

ТИМ
СОБАКИН

СОБАКА,
КОТОРАЯ
БЫЛА КОШКОЙ

ТИМ
СОБАКИН
СОБАКА
КОТОРАЯ
БЫЛА КОШКОЙ
сказка

19 Москва 95

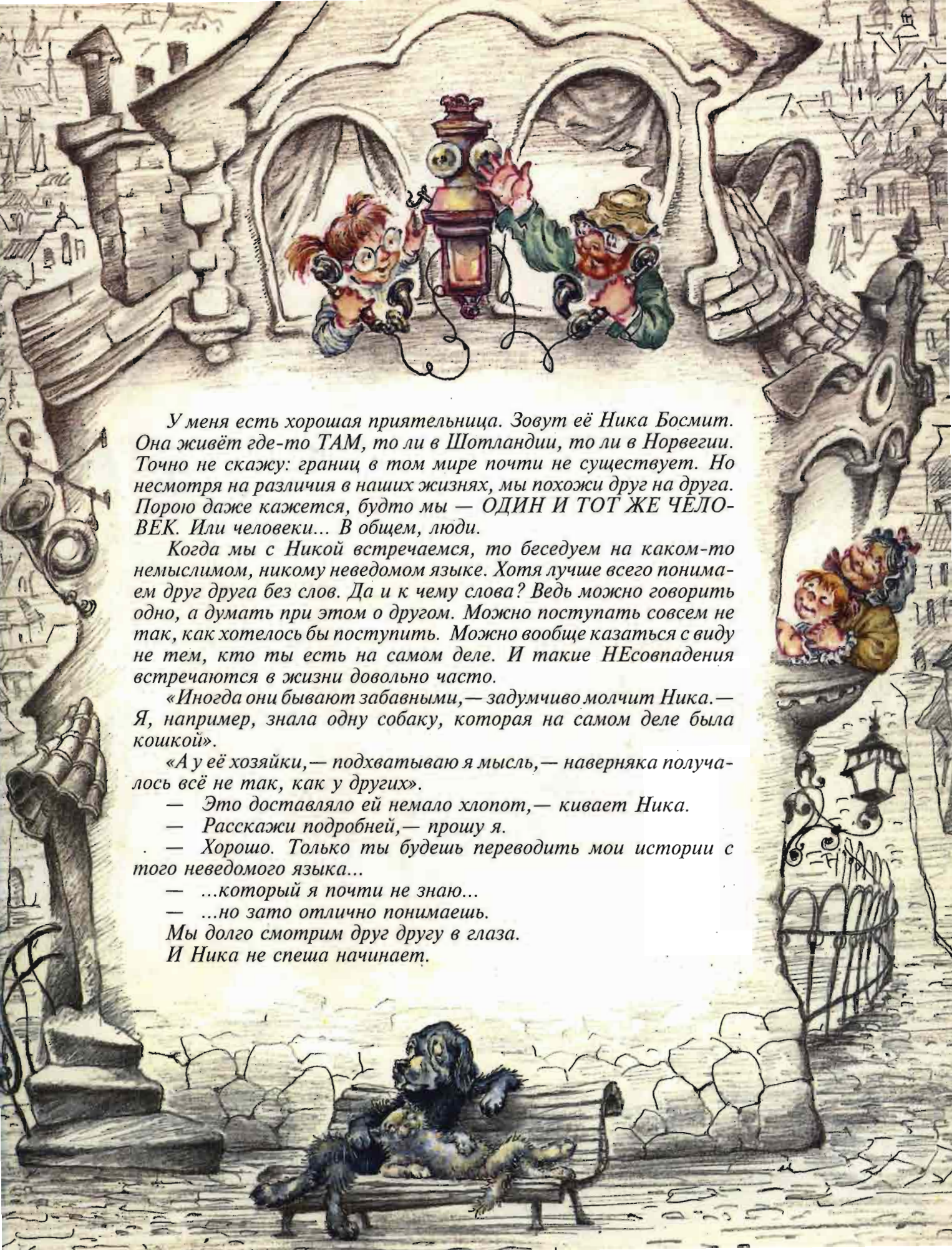
«Детская литература»

С 4803010201 — 007 КБ —17—25—1994
М101(03)-95

ISBN 5—08—003454—8

© Тим. Собакин. Текст, 1995
© Художник Александр Грашин, 1995

У меня есть хорошая приятельница. Зовут её Ника Босмит. Она живёт где-то ТАМ, то ли в Шотландии, то ли в Норвегии. Точно не скажу: границ в том мире почти не существует. Но несмотря на различия в наших жизнях, мы похожи друг на друга. Порою даже кажется, будто мы — **ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК**. Или человеки... В общем, люди.

Когда мы с Никой встречаемся, то беседуем на каком-то немыслимом, никому неведомом языке. Хотя лучше всего понимаем друг друга без слов. Да и к чему слова? Ведь можно говорить одно, а думать при этом о другом. Можно поступать совсем не так, как хотелось бы поступить. Можно вообще казаться с виду не тем, кто ты есть на самом деле. И такие **НЕСовпадения** встречаются в жизни довольно часто.

«Иногда они бывают забавными, — задумчиво молчит Ника. — Я, например, знала одну собаку, которая на самом деле была кошкой».

«А у её хозяйки, — подхватываю я мысль, — наверняка получалось всё не так, как у других».

— Это доставляло ей немало хлопот, — кивает Ника.

— Расскажи подробней, — прошу я.

— Хорошо. Только ты будешь переводить мои истории с того неведомого языка...

— ...который я почти не знаю...

— ...но зато отлично понимаешь.

Мы долго смотрим друг другу в глаза.

И Ника не спеша начинает.

ВСЁ НЕ ТАК

В одном шотландском городе жила-была тётушка Сольвейг. С виду она казалась самой обыкновенной тётушкой. Но в жизни у неё почему-то получалось всё не так, как у других.

Она могла часами бегать по льду и не падать, но нередко поскользывалась на сухом асфальте. Она нарочно роняла вазу с пятого этажа — и ваза не разбивалась. Но стоило ей нечаянно задеть рукавом кувшин, как тот — вдребезги! У тётушки Сольвейг даже собака была вовсе не

собакой, а кошкой. И звали её Шак. Но про эту неправильную собаку — чуть позже.

Работала тётушка Сольвейг консультантом по сложным вопросам. Но не в Глазго, где жила, а совсем в другом шотландском городе. И на работу она летала самолётом — два раза в неделю. Из дома тётушка Сольвейг отправлялась пораньше, чтобы успеть в аэропорт, но почему-то всегда опаздывала. И самолёт улетал без неё.

Однажды утром она решила: «Хватит опаздывать! Сегодня надо обязательно попасть на работу».

Тётушка позавтракала на час раньше обычного и на быстроходной машине «БМВ» помчалась в аэропорт. Однако на полпути у неё кончился бензин.

— Хо-хо! — воскликнула тётушка Сольвейг. — На этот случай я имею в запасе полную кастрюлю бензина.

И она поехала дальше. Но вскоре выяснилось, что самая короткая дорога в аэропорт закрыта на ремонт.

— Хи-хи! — усмехнулась тётушка Сольвейг. — Воспользуюсь объездом. Времени ещё много.

А путь в объезд лежал через мост. И так получилось, что мост этот неожиданно рухнул в реку.

— Ха-ха! — сказала тётушка Сольвейг. — У меня есть большая надувная лодка. Она и машину выдержит. Переберусь вплавь!

Переправа через реку, как ни странно, окончилась благополучно. До аэропорта уж было рукой подать, как с неба вдруг упал метеорит и угодил в переднее колесо.

— Хе-хе... — вздохнула тётушка Сольвейг. — Придётся ставить запасное...

Но запасного колеса в багажнике не нашлось. Зато там лежал старый велосипед.

Когда тётушка Сольвейг добралась наконец до аэропорта, свалившись с велосипеда девять с половиной раз, её самолёт мчался по взлётной полосе.

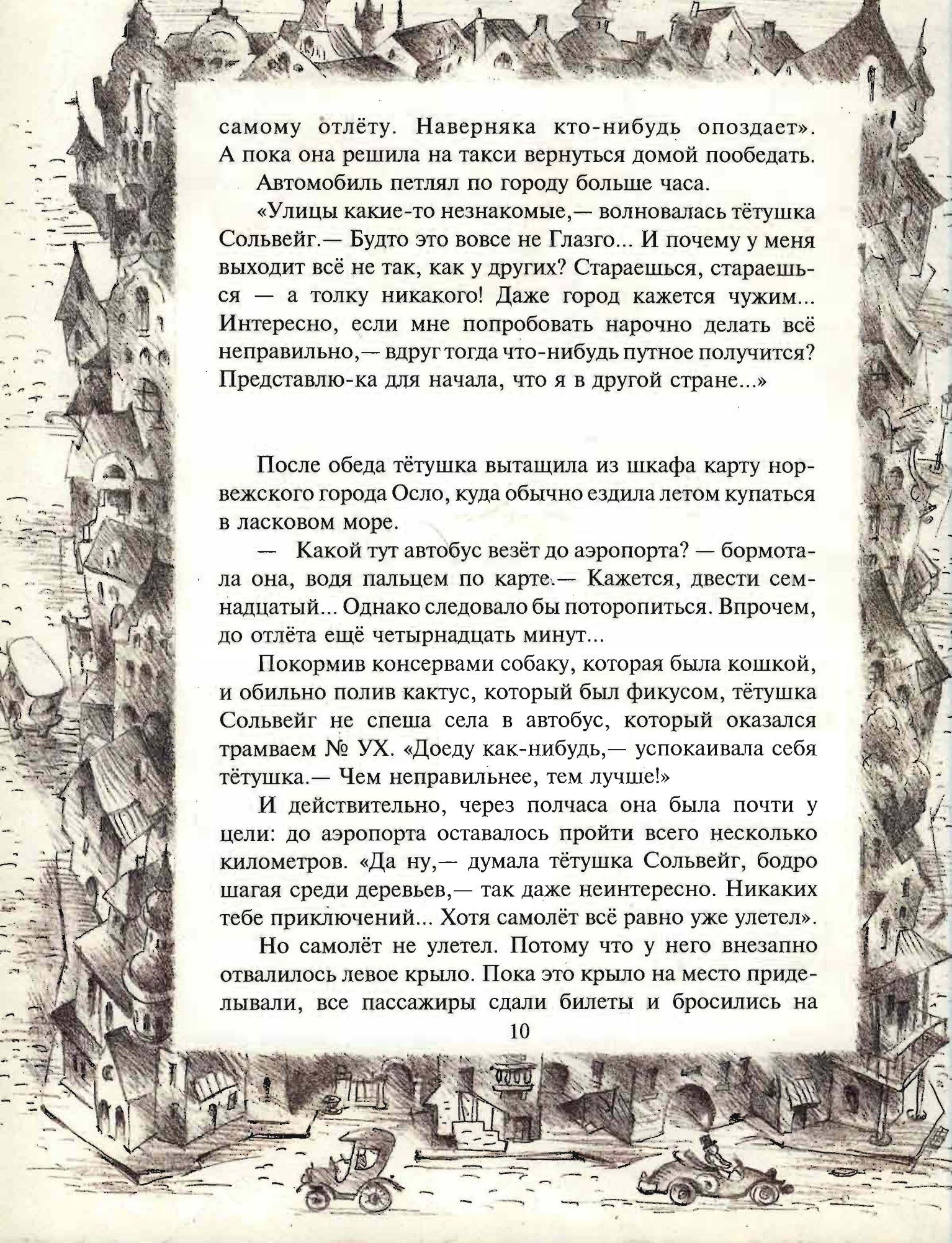
«Надо же, — удивилась тётушка, — не успела!..» Но она была полна решимости попасть сегодня на работу и потому сразу пошла покупать билет на следующий рейс.

— Билетов нет, — сказали ей в кассе.

— Как же так? Ведь всегда были...

— А сегодня нет!

«Ладно, — рассудила тётушка Сольвейг, — приду к

самому отлёту. Наверняка кто-нибудь опоздает». А пока она решила на такси вернуться домой пообедать.

Автомобиль петлял по городу больше часа.

«Улицы какие-то незнакомые, — волновалась тётушка Сольвейг. — Будто это вовсе не Глазго... И почему у меня выходит всё не так, как у других? Стараешься, стараешься — а толку никакого! Даже город кажется чужим... Интересно, если мне попробовать нарочно делать всё неправильно, — вдруг тогда что-нибудь путное получится? Представлю-ка для начала, что я в другой стране...»

После обеда тётушка вытащила из шкафа карту норвежского города Осло, куда обычно ездила летом купаться в ласковом море.

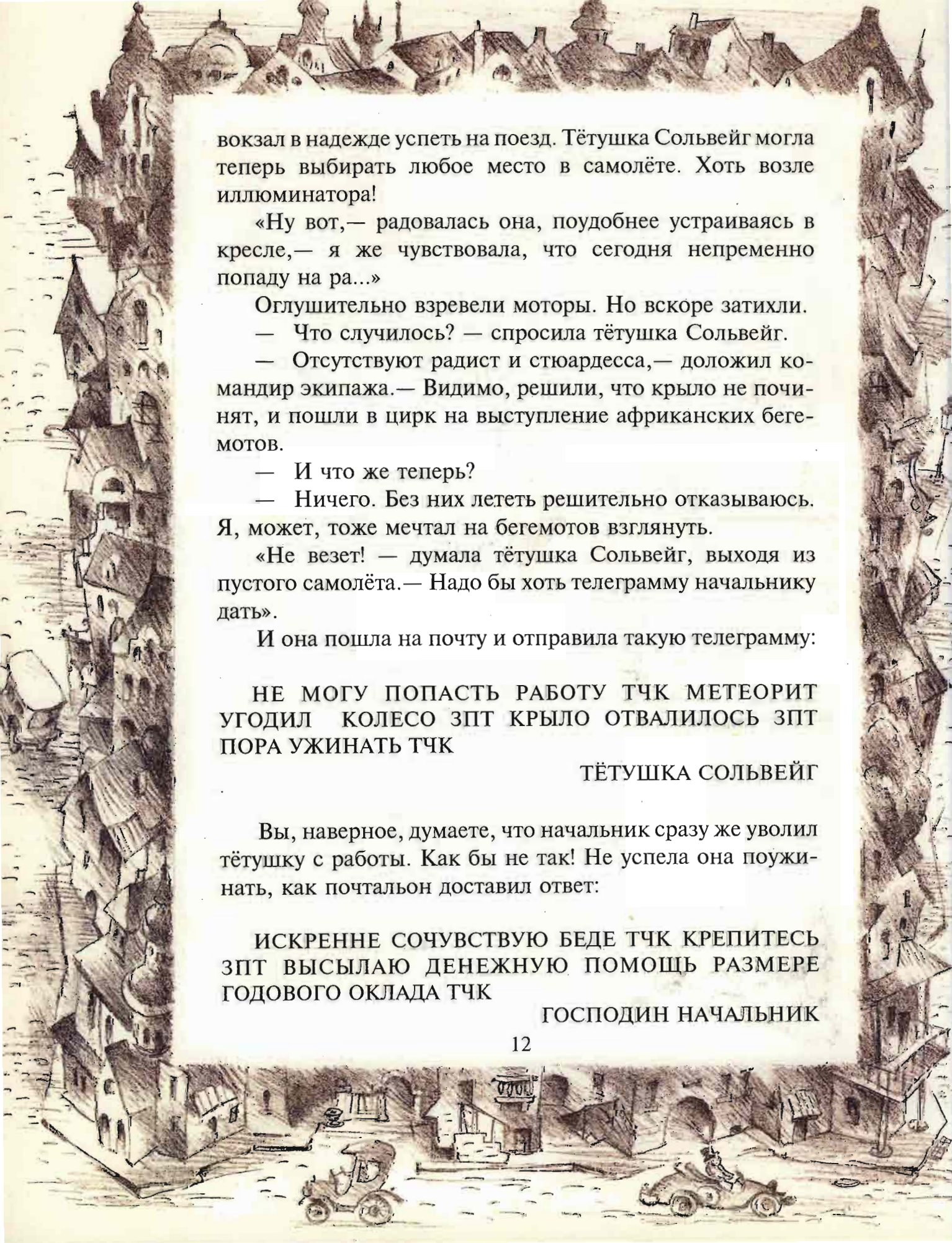
— Какой тут автобус везёт до аэропорта? — бормотала она, водя пальцем по карте. — Кажется, двести семнадцатый... Однако следовало бы поторопиться. Впрочем, до отлёта ещё четырнадцать минут...

Покормив консервами собаку, которая была кошкой, и обильно полив кактус, который был фикусом, тётушка Сольвейг не спеша села в автобус, который оказался трамваем № УХ. «Доеду как-нибудь, — успокаивала себя тётушка. — Чем неправильнее, тем лучше!»

И действительно, через полчаса она была почти у цели: до аэропорта оставалось пройти всего несколько километров. «Да ну, — думала тётушка Сольвейг, бодро шагая среди деревьев, — так даже неинтересно. Никаких тебе приключений... Хотя самолёт всё равно уже улетел».

Но самолёт не улетел. Потому что у него внезапно отвалилось левое крыло. Пока это крыло на место приделывали, все пассажиры сдали билеты и бросились на

вокзал в надежде успеть на поезд. Тётушка Сольвейг могла теперь выбирать любое место в самолёте. Хоть возле иллюминатора!

«Ну вот,— радовалась она, поудобнее устраиваясь в кресле,— я же чувствовала, что сегодня непременно попаду на ра...»

Оглушительно взревели моторы. Но вскоре затихли.

— Что случилось? — спросила тётушка Сольвейг.

— Отсутствуют радист и стюардесса,— доложил командир экипажа.— Видимо, решили, что крыло не починят, и пошли в цирк на выступление африканских бегемотов.

— И что же теперь?

— Ничего. Без них лететь решительно отказываюсь. Я, может, тоже мечтал на бегемотов взглянуть.

«Не везет! — думала тётушка Сольвейг, выходя из пустого самолёта.— Надо бы хоть телеграмму начальнику дать».

И она пошла на почту и отправила такую телеграмму:

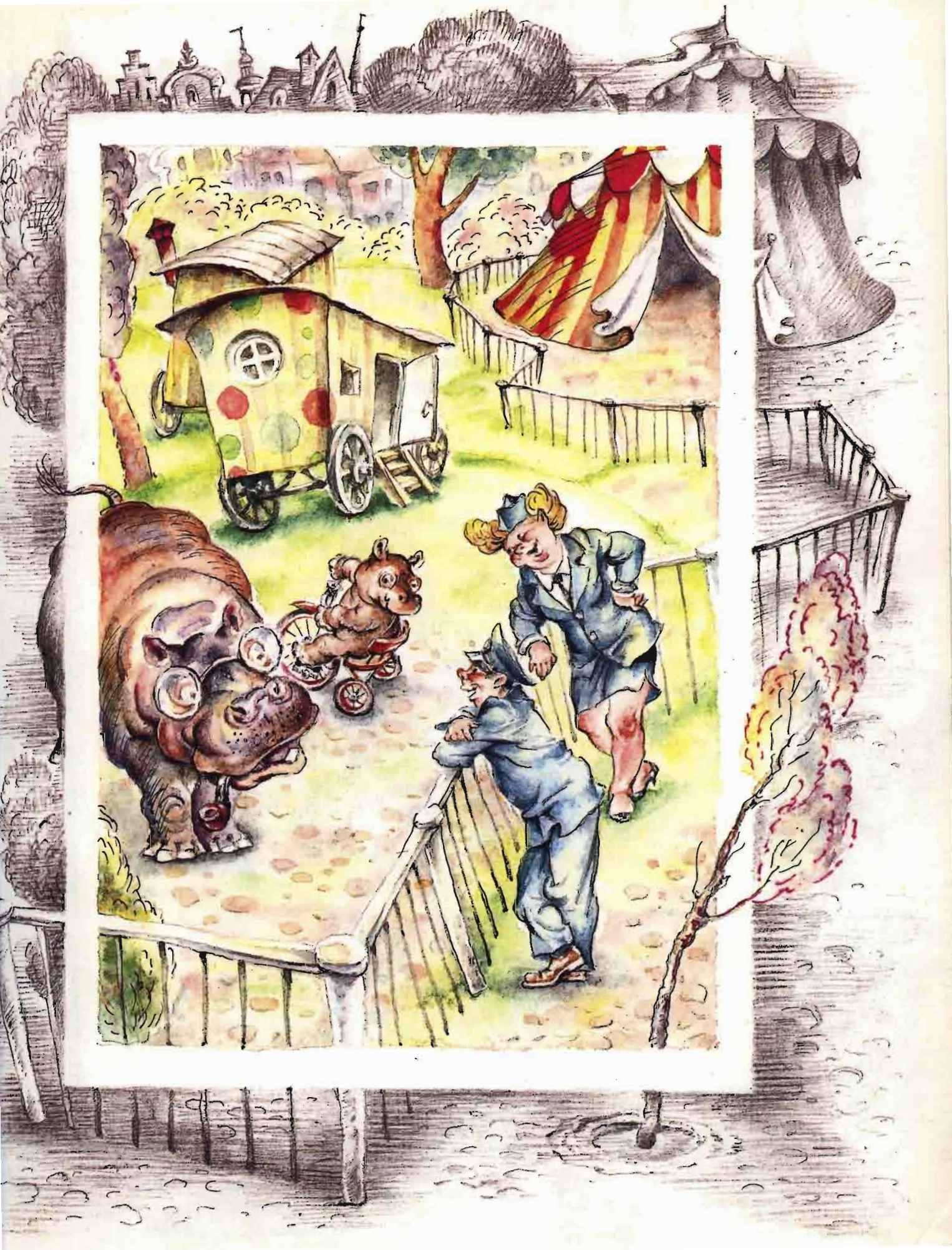
НЕ МОГУ ПОПАСТЬ РАБОТУ ТЧК МЕТЕОРИТ
УГОДИЛ КОЛЕСО ЗПТ КРЫЛО ОТВАЛИЛОСЬ ЗПТ
ПОРА УЖИНАТЬ ТЧК

ТЁТУШКА СОЛЬВЕЙГ

Вы, наверное, думаете, что начальник сразу же уволил тётушку с работы. Как бы не так! Не успела она поужинать, как почтальон доставил ответ:

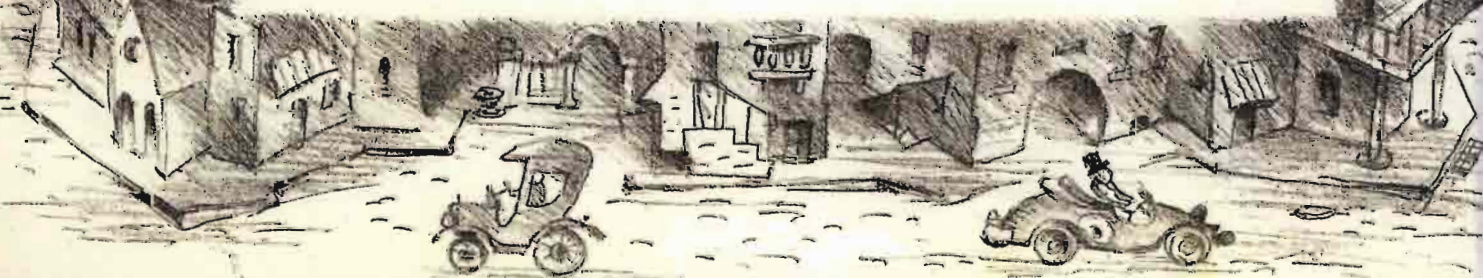
ИСКРЕННО СОЧУВСТВУЮ БЕДЕ ТЧК КРЕПИТЕСЬ
ЗПТ ВЫСЫЛАЮ ДЕНЕЖНУЮ ПОМОЩЬ РАЗМЕРЕ
ГODOVOGO ОКЛАДА ТЧК

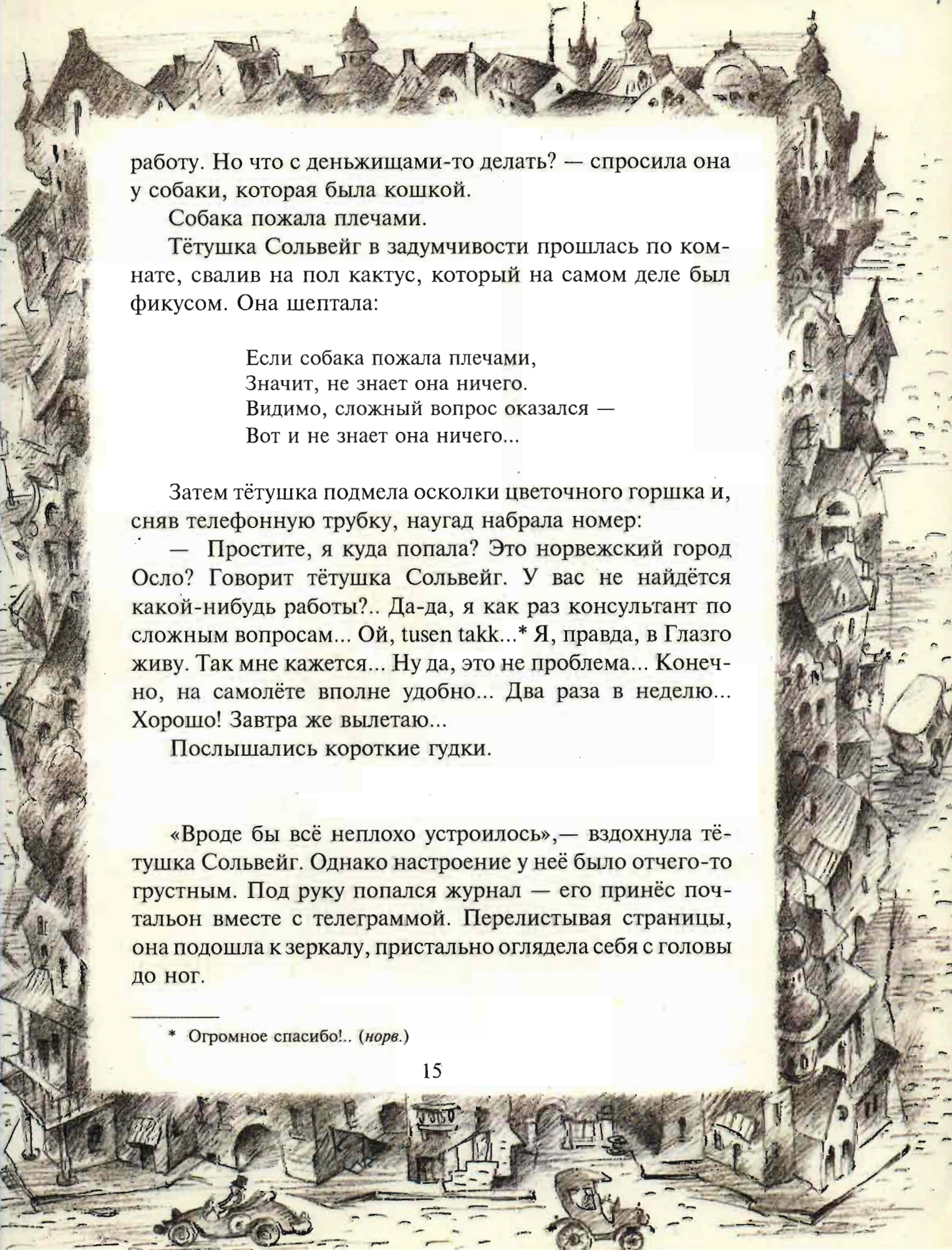
ГОСПОДИН НАЧАЛЬНИК

Вы не догадываетесь, что произошло? А всё очень просто: в телеграфных линиях ни с того ни с сего перепутались отдельные буквы, и вместо «КОЛЕСО» получилась «ГОЛОВА», вместо «КРЫЛО ОТВАЛИЛОСЬ» — «КРЫША ОБВАЛИЛАСЬ», а слово «УЖИНАТЬ» превратилось в «УМИРАТЬ». В общем, сплошные неприятности!

— Выходит, я обманула господина начальника, — загрустила тётушка Сольвейг. — Теперь придётся менять

работу. Но что с деньжищами-то делать? — спросила она у собаки, которая была кошкой.

Собака пожала плечами.

Тётушка Сольвейг в задумчивости прошлась по комнате, свалив на пол кактус, который на самом деле был фикусом. Она шептала:

Если собака пожала плечами,
Значит, не знает она ничего.
Видимо, сложный вопрос оказался —
Вот и не знает она ничего...

Затем тётушка подмела осколки цветочного горшка и, сняв телефонную трубку, наугад набрала номер:

— Простите, я куда попала? Это норвежский город Осло? Говорит тётушка Сольвейг. У вас не найдётся какой-нибудь работы?.. Да-да, я как раз консультант по сложным вопросам... Ой, tusen takk...* Я, правда, в Глазго живу. Так мне кажется... Ну да, это не проблема... Конечно, на самолёте вполне удобно... Два раза в неделю... Хорошо! Завтра же вылетаю...

Послышались короткие гудки.

«Вроде бы всё неплохо устроилось», — вздохнула тётушка Сольвейг. Однако настроение у неё было отчего-то грустным. Под руку попался журнал — его принёс почтальон вместе с телеграммой. Перелистывая страницы, она подошла к зеркалу, пристально оглядела себя с головы до ног.

* Огромное спасибо!.. (норв.)

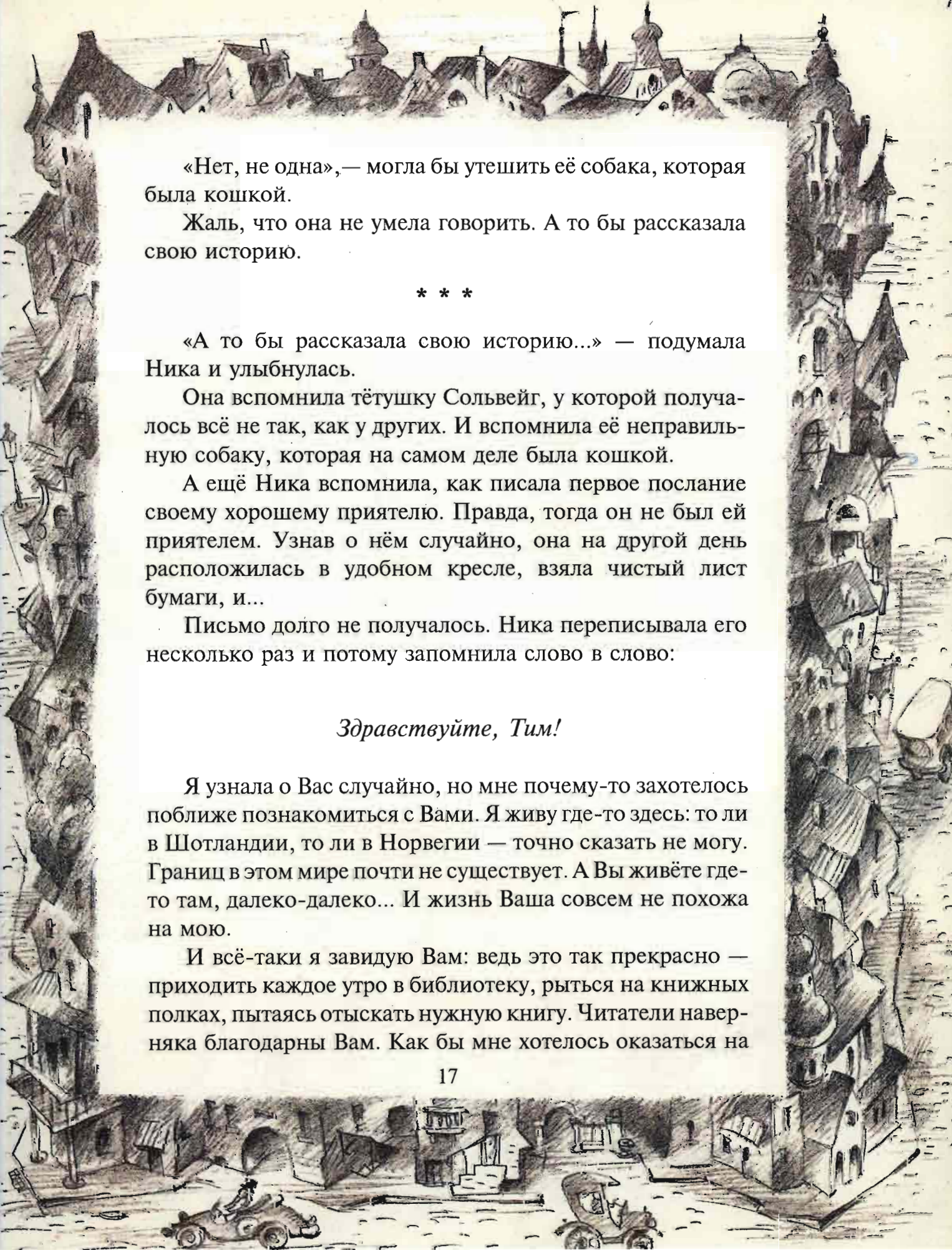
— И почему у меня ВСЁ НЕ ТАК, как у других? —
спросила тётушка Сольвейг своё отражение. — Вот, даже
в журнале обо мне пишут... буквами нешотландскими...

Она поднесла страницу ближе к зеркалу и прочитала:
вжшүтёт влнр-влнж едорот можднвпгош мондо Я
...лйэвпо

КАТ НН ЁЯ

— Неужели я одна такая непутёвая? — сокрушалась
тётушка Сольвейг.

«Нет, не одна», — могла бы утешить её собака, которая была кошкой.

Жаль, что она не умела говорить. А то бы рассказала свою историю.

* * *

«А то бы рассказала свою историю...» — подумала Ника и улыбнулась.

Она вспомнила тётушку Сольвейг, у которой получалось всё не так, как у других. И вспомнила её неправильную собаку, которая на самом деле была кошкой.

А ещё Ника вспомнила, как писала первое послание своему хорошему приятелю. Правда, тогда он не был ей приятелем. Узнав о нём случайно, она на другой день расположилась в удобном кресле, взяла чистый лист бумаги, и...

Письмо долго не получалось. Ника переписывала его несколько раз и потому запомнила слово в слово:

Здравствуйте, Тим!

Я узнала о Вас случайно, но мне почему-то захотелось поближе познакомиться с Вами. Я живу где-то здесь: то ли в Шотландии, то ли в Норвегии — точно сказать не могу. Границ в этом мире почти не существует. А Вы живёте где-то там, далеко-далеко... И жизнь Ваша совсем не похожа на мою.

И всё-таки я завидую Вам: ведь это так прекрасно — приходиться каждое утро в библиотеку, рыться на книжных полках, пытаясь отыскать нужную книгу. Читатели наверняка благодарны Вам. Как бы мне хотелось оказаться на

Вашем месте! Но я занимаюсь музыкой и потому вынуждена каждый день играть гаммы: до-ре-ми-фа-соль-ля-си... А это весьма скучное и утомительное занятие.

Один мой знакомый музыкант не выдержал — и стал поваром.

Как-то я заглянула к нему в ресторан:

— Почему ты бросил флейту?

Он подал мне румяную сардельку.

— Вкусно?

— Мммм!— только и сумела я ответить.

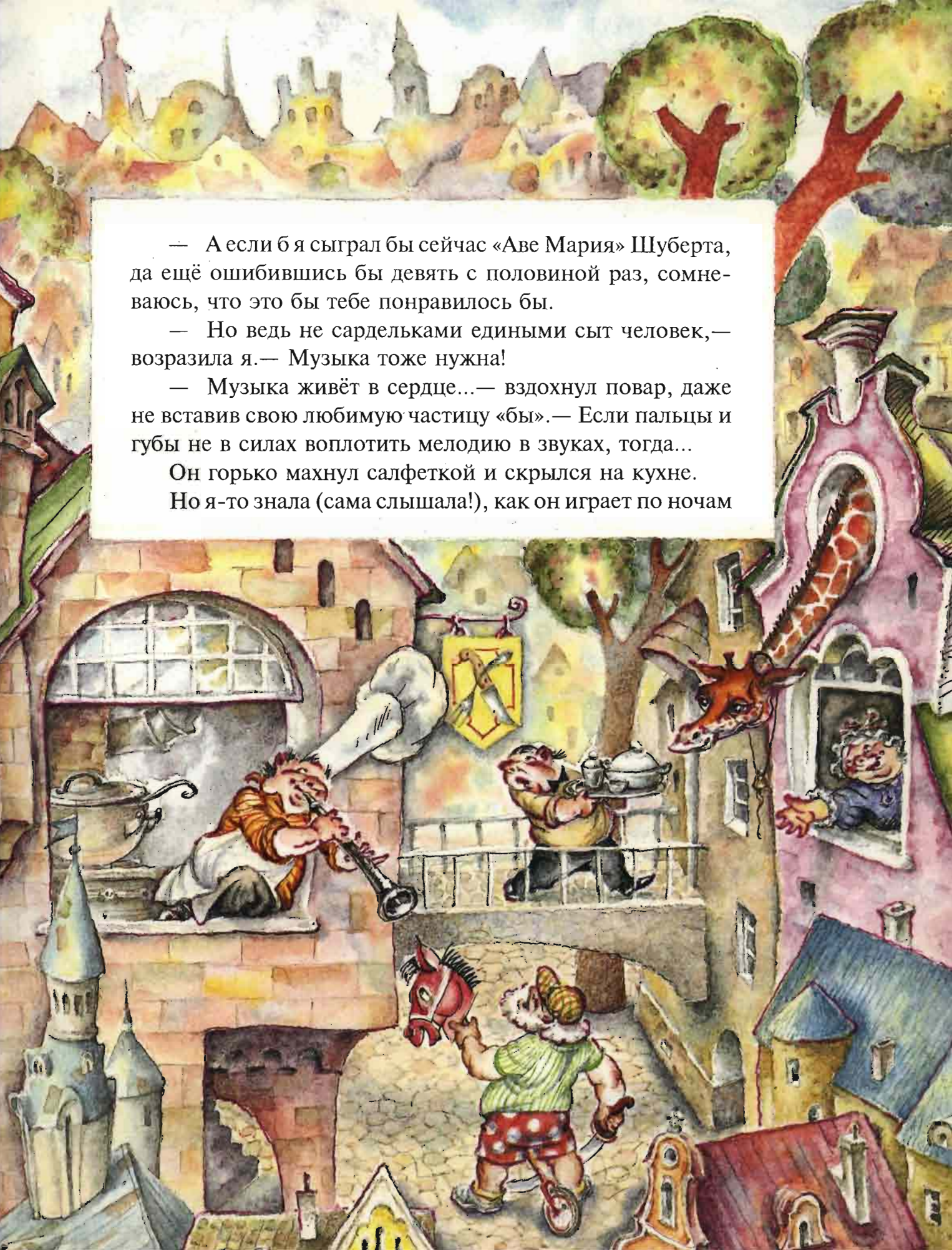
— А если б я сыграл бы сейчас «Аве Мария» Шуберта, да ещё ошибившись бы девять с половиной раз, сомневаюсь, что это бы тебе понравилось бы.

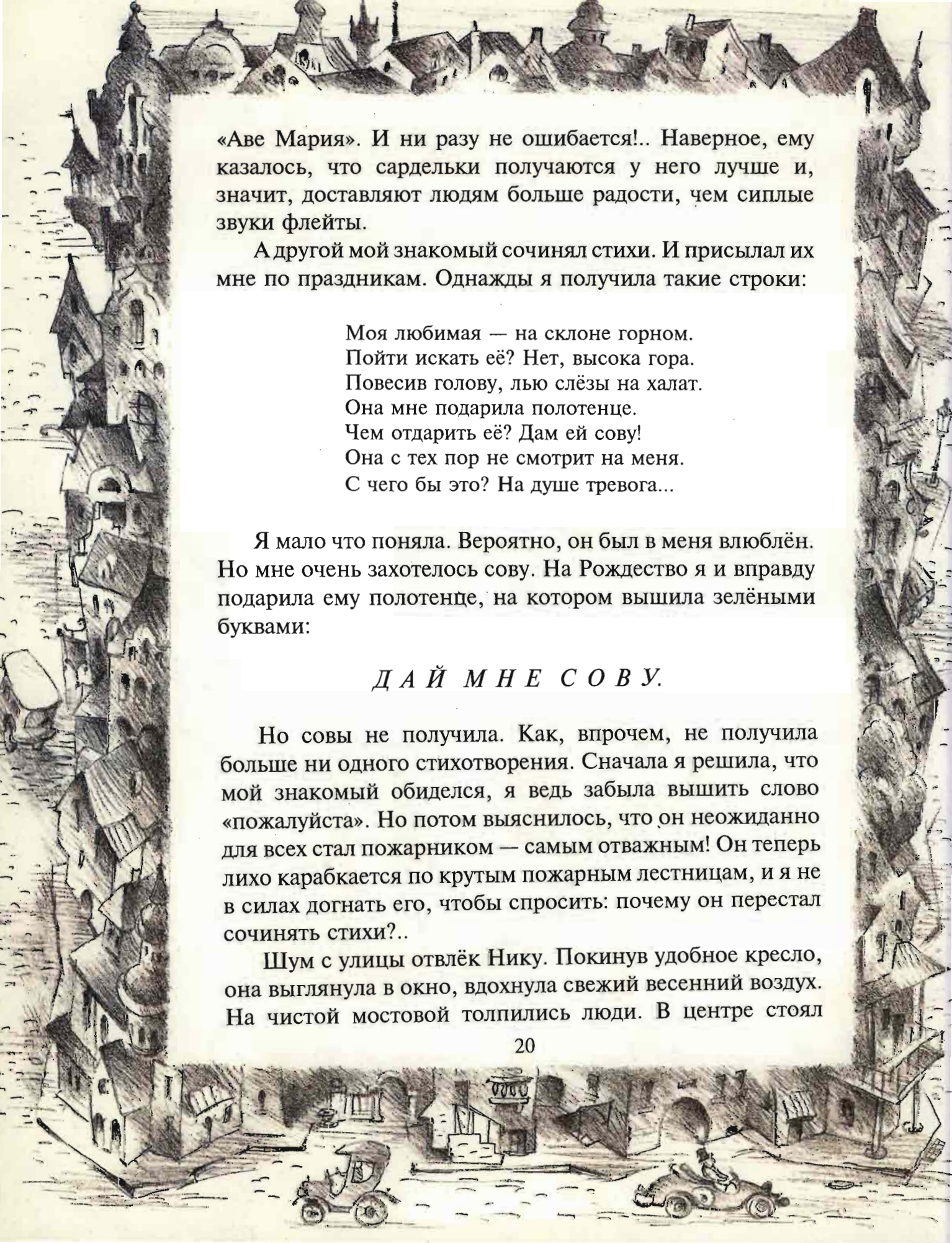
— Но ведь не сардельками едиными сыт человек,— возразила я.— Музыка тоже нужна!

— Музыка живёт в сердце...— вздохнул повар, даже не вставив свою любимую частицу «бы». — Если пальцы и губы не в силах воплотить мелодию в звуках, тогда...

Он горько махнул салфеткой и скрылся на кухне.

Но я-то знала (сама слышала!), как он играет по ночам

«Аве Мария». И ни разу не ошибается!.. Наверное, ему казалось, что сардельки получаются у него лучше и, значит, доставляют людям больше радости, чем сильные звуки флейты.

А другой мой знакомый сочинял стихи. И присылал их мне по праздникам. Однажды я получила такие строки:

Моя любимая — на склоне горном.
Пойти искать её? Нет, высока гора.
Повесив голову, лью слёзы на халат.
Она мне подарила полотенце.
Чем отдарить её? Дам ей сову!
Она с тех пор не смотрит на меня.
С чего бы это? На душе тревога...

Я мало что поняла. Вероятно, он был в меня влюблён. Но мне очень захотелось сову. На Рождество я и вправду подарила ему полотенце, на котором вышила зелёными буквами:

ДАЙ МНЕ СОВУ.

Но совы не получила. Как, впрочем, не получила больше ни одного стихотворения. Сначала я решила, что мой знакомый обиделся, я ведь забыла вышить слово «пожалуйста». Но потом выяснилось, что он неожиданно для всех стал пожарником — самым отважным! Он теперь лихо карабкается по крутым пожарным лестницам, и я не в силах догнать его, чтобы спросить: почему он перестал сочинять стихи?..

Шум с улицы отвлек Нику. Покинув удобное кресло, она выглянула в окно, вдохнула свежий весенний воздух. На чистой мостовой толпились люди. В центре стоял

астроном и указывал подзорной трубой в небо. Там из-за синего облака выплывала белая луна. На её верхнем краю примостилась сова. Или ворона. Или сова, которая была вороной. Или наоборот... Трудно было разобрать.

«У нас тут забавно,— улыбнулась Ника, подумав о своём хорошем приятеле.— Приезжай-ка, Тим, в гости — убедишься сам. Только не удивляйся ничему, ладно?..»

Она вновь вспомнила тётушку Сольвейг и её неправильную собаку.

— Жаль, что эта собака не умеет говорить,— вздохнула Ника.— А то бы рассказала свою историю...

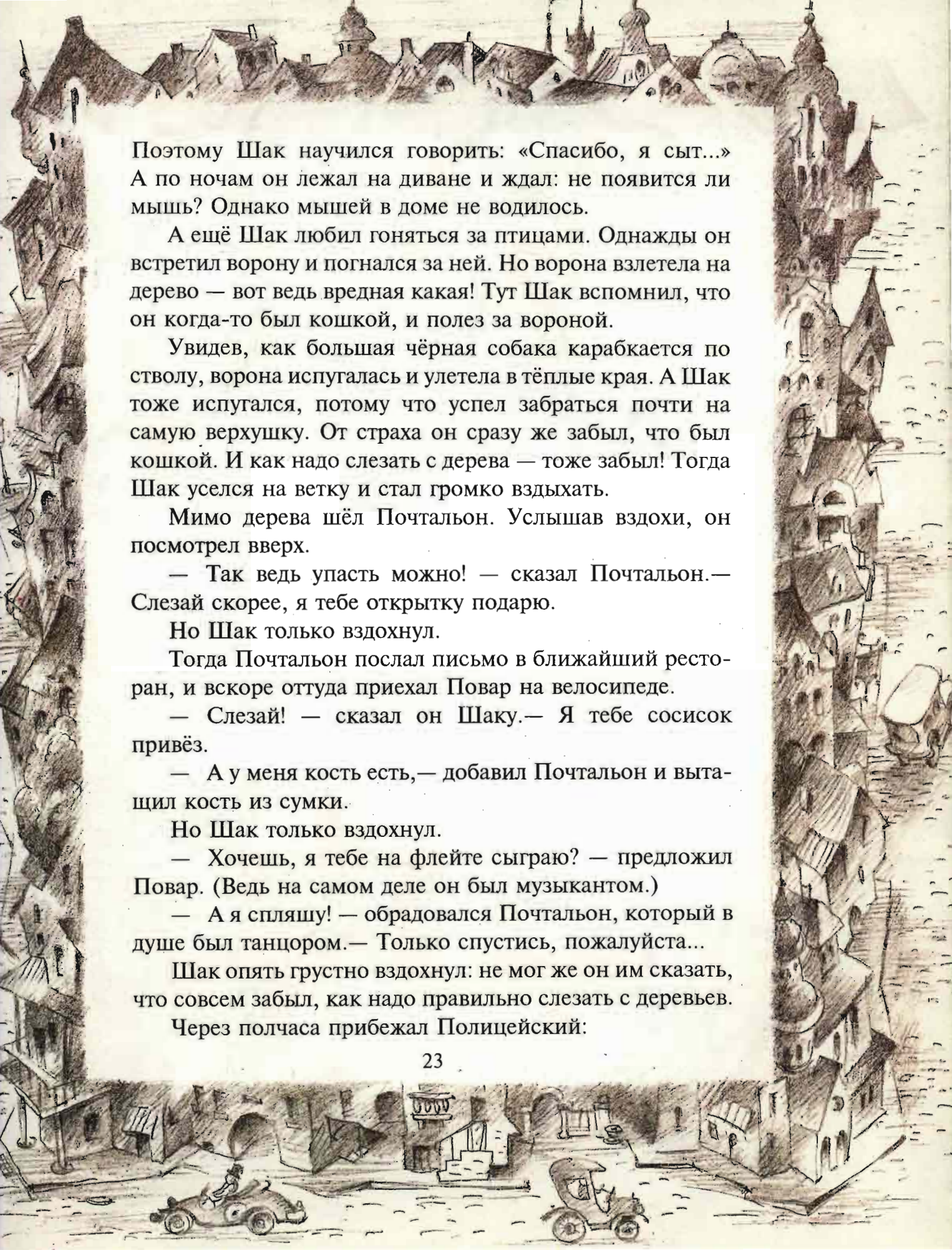

СОБАКА, КОТОРАЯ БЫЛА КОШКОЙ

В одном шотландском городе жила большая чёрная собака. Правда, сначала она была маленькой белой кошкой. Но потом забыла, что она кошка, и стала собакой. По имени Шак.

Лаять Шак не научился, а как мяукать — забыл. Поэтому часто вздыхал, а в дни рождения тихо мурлыкал. Больше всего он любил свежую рыбу. Но хозяйка Сольвейг кормила его консервами для собак.

Поэтому Шак научился говорить: «Спасибо, я сыт...»
А по ночам он лежал на диване и ждал: не появится ли мышь? Однако мышей в доме не водилось.

А ещё Шак любил гоняться за птицами. Однажды он встретил ворону и погнался за ней. Но ворона взлетела на дерево — вот ведь вредная какая! Тут Шак вспомнил, что он когда-то был кошкой, и полез за вороной.

Увидев, как большая чёрная собака карабкается по стволу, ворона испугалась и улетела в тёплые края. А Шак тоже испугался, потому что успел забраться почти на самую верхушку. От страха он сразу же забыл, что был кошкой. И как надо слезать с дерева — тоже забыл! Тогда Шак уселся на ветку и стал громко вздыхать.

Мимо дерева шёл Почтальон. Услышав вздохи, он посмотрел вверх.

— Так ведь упасть можно! — сказал Почтальон. — Слезай скорее, я тебе открытку подарю.

Но Шак только вздохнул.

Тогда Почтальон послал письмо в ближайший ресторан, и вскоре оттуда приехал Повар на велосипеде.

— Слезай! — сказал он Шаку. — Я тебе сосисок привёз.

— А у меня кость есть, — добавил Почтальон и вытащил кость из сумки.

Но Шак только вздохнул.

— Хочешь, я тебе на флейте сыграю? — предложил Повар. (Ведь на самом деле он был музыкантом.)

— А я спляшу! — обрадовался Почтальон, который в душе был танцором. — Только спустись, пожалуйста...

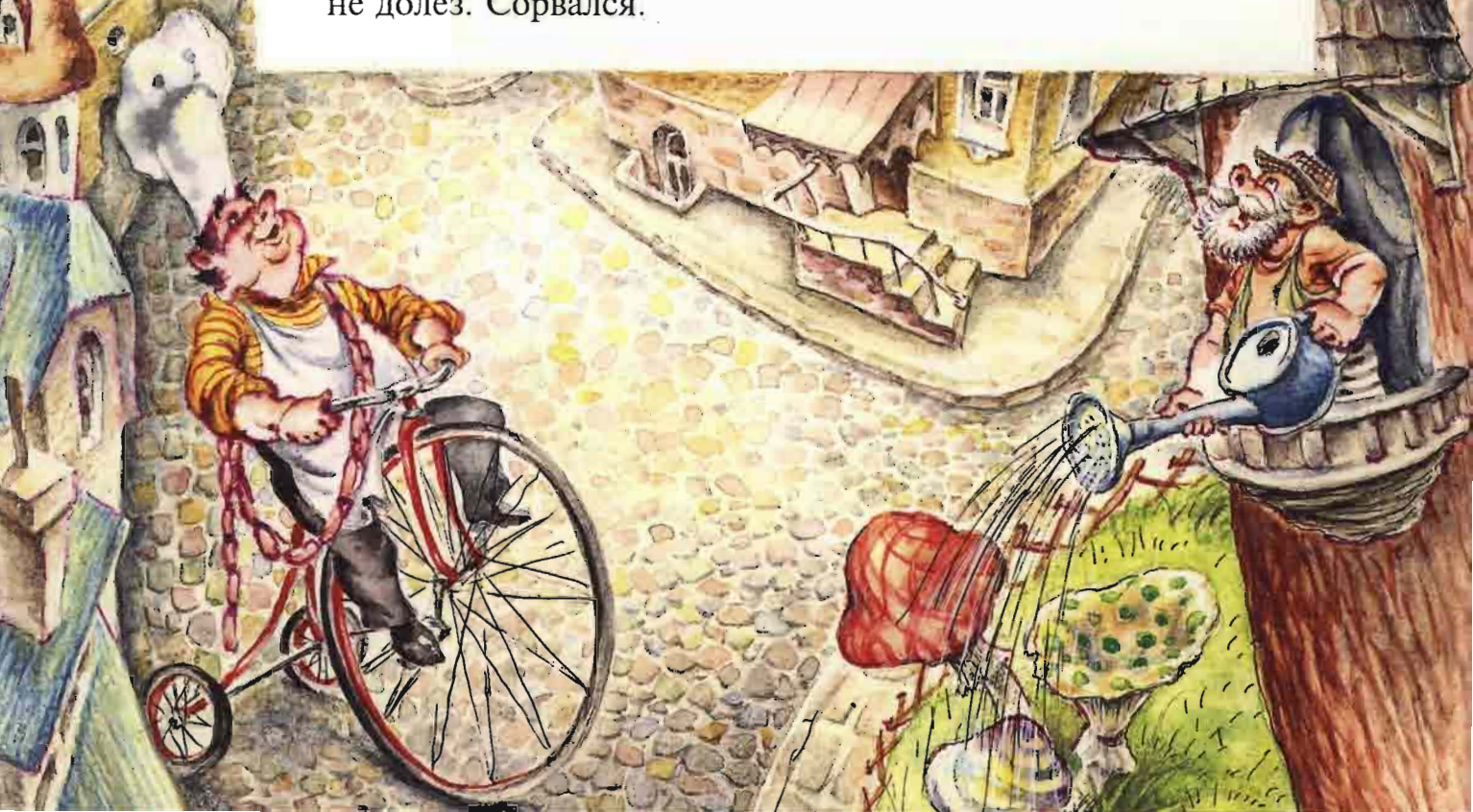
Шак опять грустно вздохнул: не мог же он им сказать, что совсем забыл, как надо правильно слезать с деревьев.

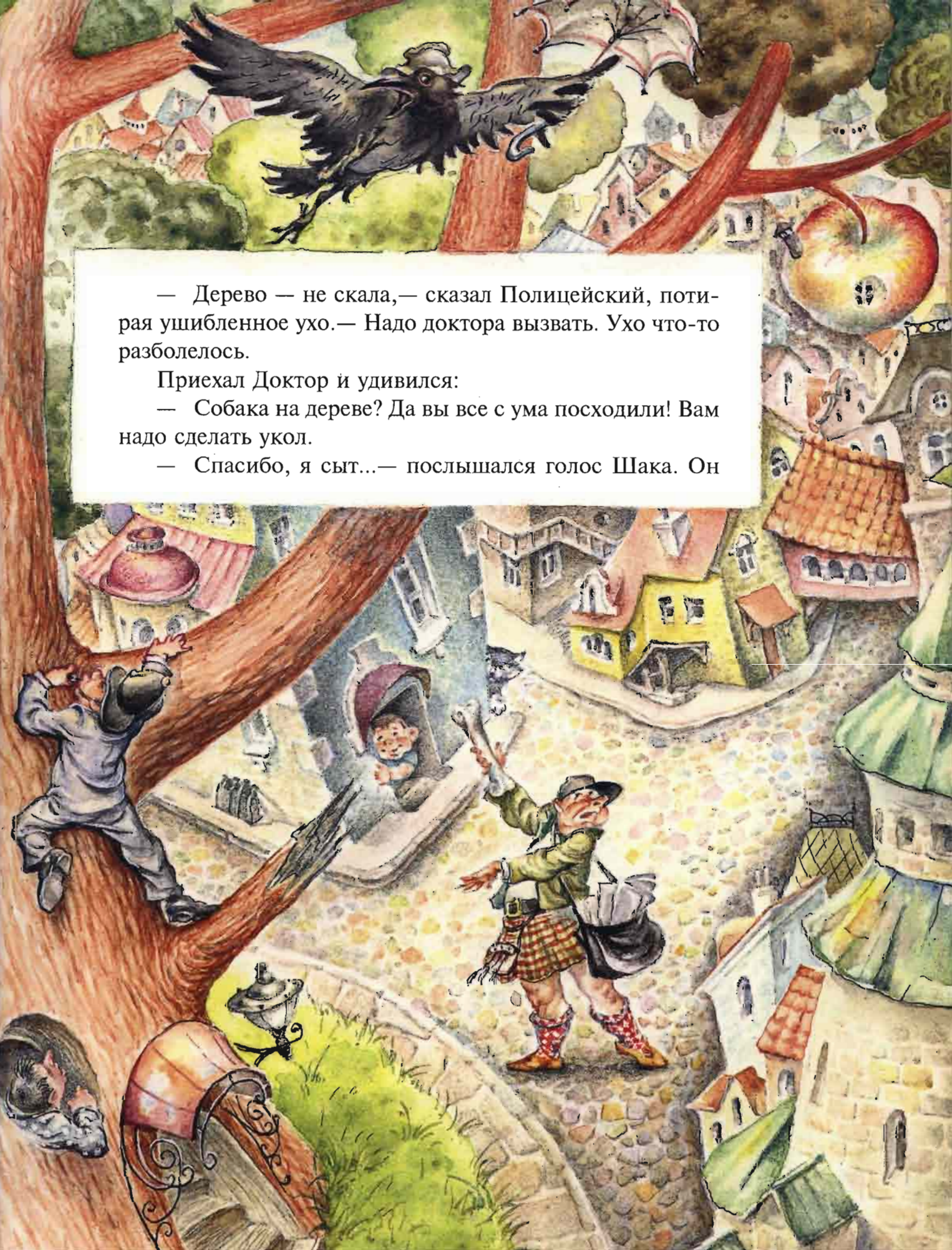
Через полчаса прибежал Полицейский:

— Что это вы тут расплясались под флейту?
— Собаку с дерева снимаем.
— Сейчас я её оштрафую на девять с половиной монет,— пообещал Полицейский.— За сидение в неподобающем месте.

И полез на дерево. Он ведь раньше скалолазом был. Но не долез. Сорвался.

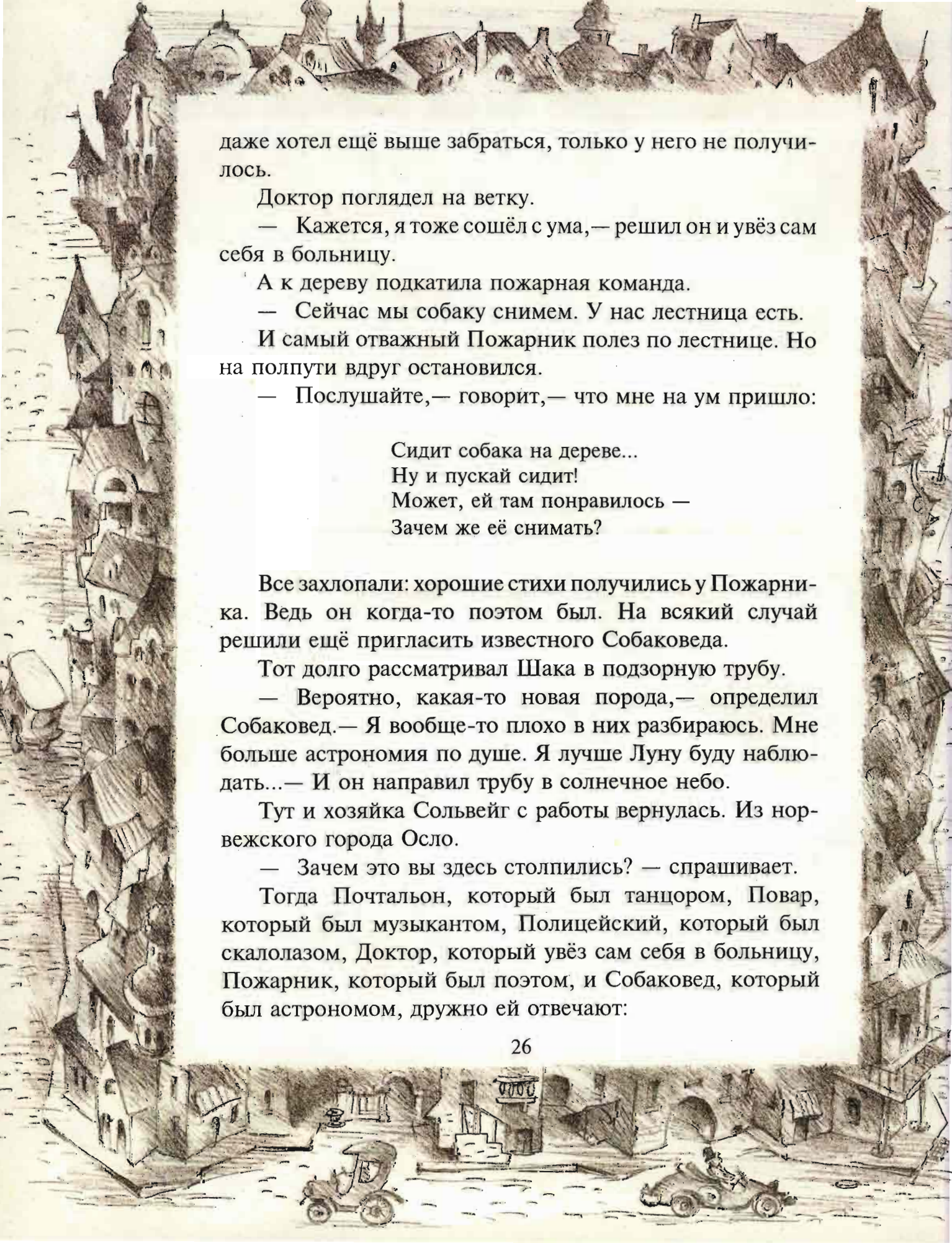

— Дерево — не скала,— сказал Полицейский, потирая ушибленное ухо.— Надо доктора вызывать. Ухо что-то разболелось.

Приехал Доктор и удивился:

— Собака на дереве? Да вы все с ума посходили! Вам надо сделать укол.

— Спасибо, я сыт...— послышался голос Шака. Он

даже хотел ещё выше забраться, только у него не получилось.

Доктор поглядел на ветку.

— Кажется, я тоже сошёл с ума, — решил он и увёз сам себя в больницу.

А к дереву подкатила пожарная команда.

— Сейчас мы собаку снимем. У нас лестница есть.

И самый отважный Пожарник полез по лестнице. Но на полпути вдруг остановился.

— Послушайте, — говорит, — что мне на ум пришло:

Сидит собака на дереве...

Ну и пускай сидит!

Может, ей там понравилось —

Зачем же её снимать?

Все захлопали: хорошие стихи получились у Пожарника. Ведь он когда-то поэтом был. На всякий случай решили ещё пригласить известного Собаковеда.

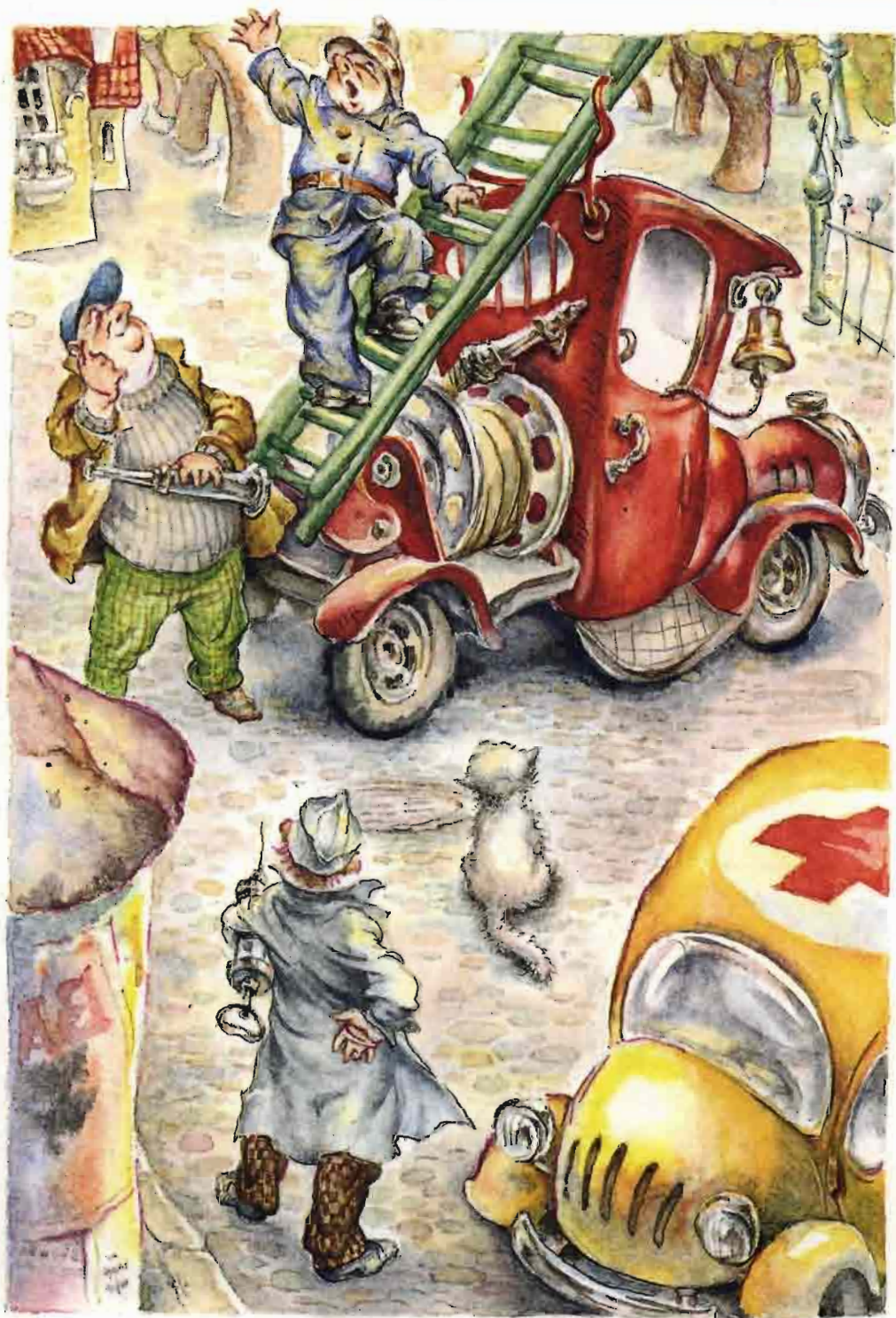
Тот долго рассматривал Шака в подзорную трубу.

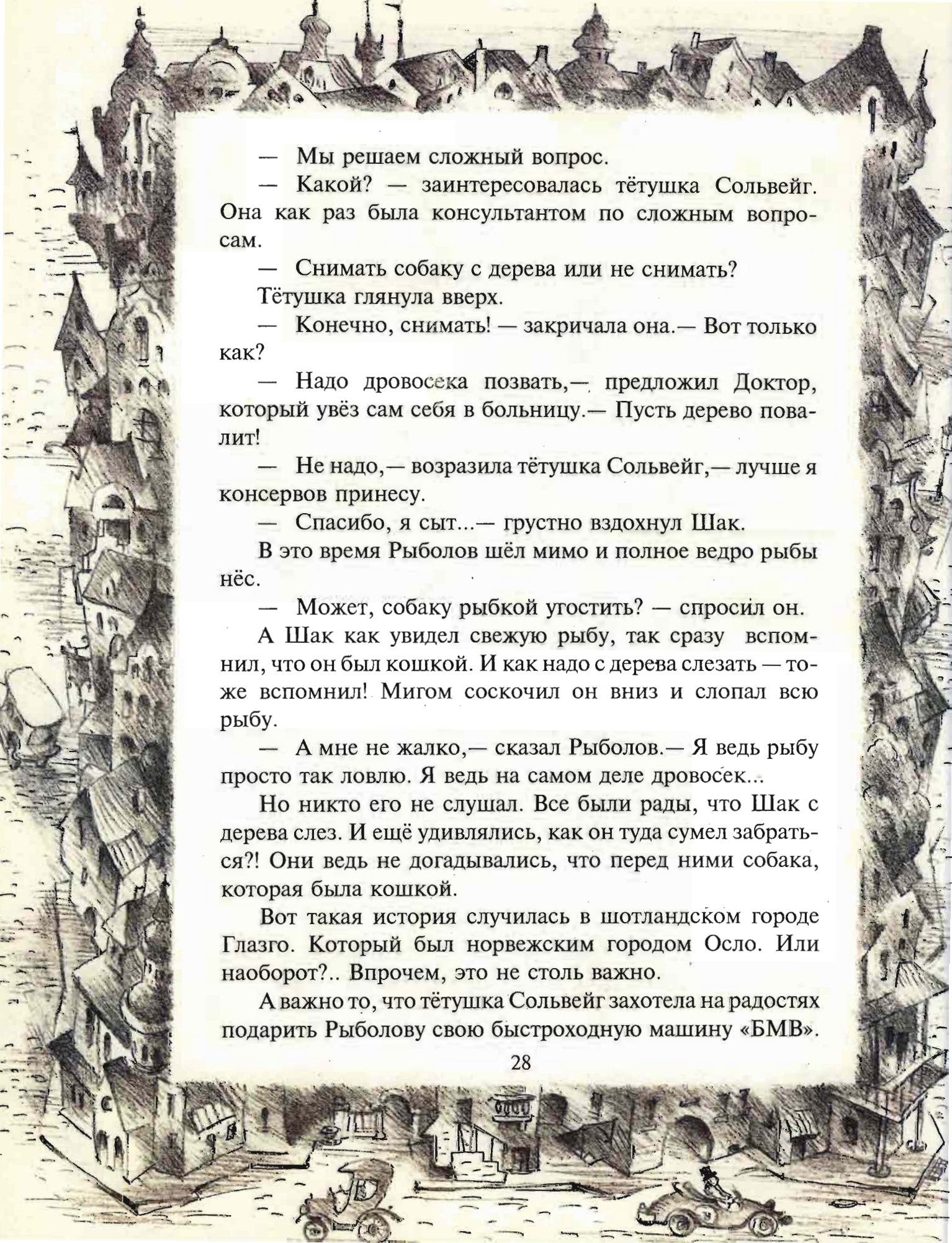
— Вероятно, какая-то новая порода, — определил Собаковед. — Я вообще-то плохо в них разбираюсь. Мне больше астрономия по душе. Я лучше Луну буду наблюдать... — И он направил трубу в солнечное небо.

Тут и хозяйка Сольвейг с работы вернулась. Из норвежского города Осло.

— Зачем это вы здесь столпились? — спрашивает.

Тогда Почтальон, который был танцором, Повар, который был музыкантом, Полицейский, который был скалолазом, Доктор, который увёз сам себя в больницу, Пожарник, который был поэтом, и Собаковед, который был астрономом, дружно ей отвечают:

— Мы решаем сложный вопрос.
— Какой? — заинтересовалась тётушка Сольвейг. Она как раз была консультантом по сложным вопросам.

— Снимать собаку с дерева или не снимать?

Тётушка глянула вверх.

— Конечно, снимать! — закричала она. — Вот только как?

— Надо дровосека позвать, — предложил Доктор, который увёз сам себя в больницу. — Пусть дерево повалит!

— Не надо, — возразила тётушка Сольвейг, — лучше я консервов принесу.

— Спасибо, я сыт... — грустно вздохнул Шак.

В это время Рыболов шёл мимо и полное ведро рыбы нёс.

— Может, собаку рыбкой угостить? — спросил он.

А Шак как увидел свежую рыбу, так сразу вспомнил, что он был кошкой. И как надо с дерева слезать — тоже вспомнил! Мигом соскочил он вниз и слопал всю рыбу.

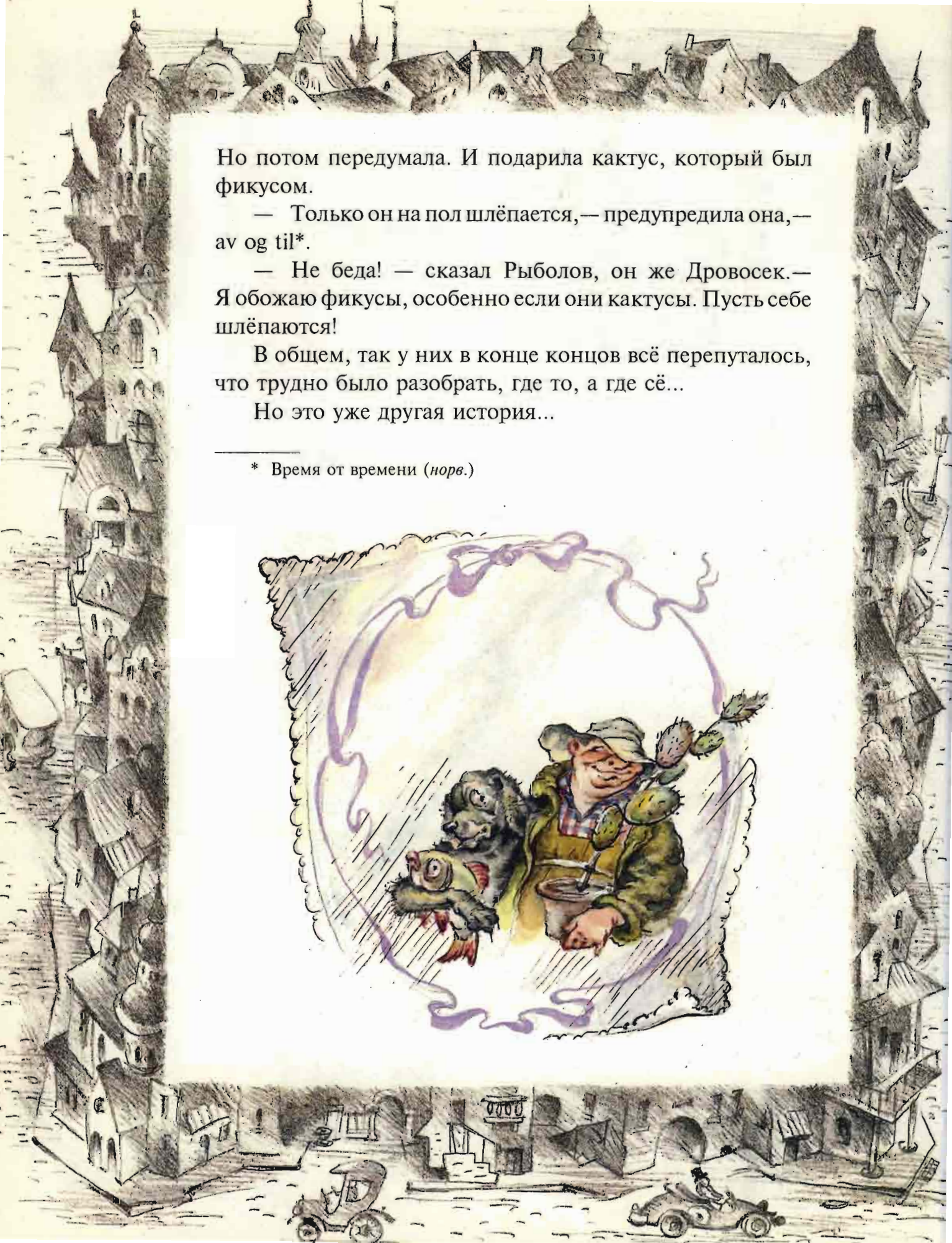
— А мне не жалко, — сказал Рыболов. — Я ведь рыбу просто так ловлю. Я ведь на самом деле дровосек...

Но никто его не слушал. Все были рады, что Шак с дерева слез. И ещё удивлялись, как он туда сумел забраться?! Они ведь не догадывались, что перед ними собака, которая была кошкой.

Вот такая история случилась в шотландском городе Глазго. Который был норвежским городом Осло. Или наоборот?... Впрочем, это не столь важно.

А важно то, что тётушка Сольвейг захотела на радостях подарить Рыболову свою быстроходную машину «БМВ».

Но потом передумала. И подарила кактус, который был фикусом.

— Только он на пол шлёпается, — предупредила она, — av og til*.

— Не беда! — сказал Рыболов, он же Дровосек. — Я обожаю фикусы, особенно если они кактусы. Пусть себе шлёпаются!

В общем, так у них в конце концов всё перепуталось, что трудно было разобрать, где то, а где сё...

Но это уже другая история...

* Время от времени (норв.)

* * *

«Но это уже другая история...» — подумал Тим и улыбнулся.

Он представил себе тётушку Сольвейг, у которой получалось всё не так, как у других. И её неправильную собаку, которая была кошкой.

А ещё ясно представилось Тиму, как получил он первое послание от своей хорошей приятельницы. Правда, тогда она не была ему приятельницей. С трудом разобрал слова на неведомом языке, он на другой день устроился на шатком табурете, взял чистый лист бумаги и...

Ответное письмо долго не получалось. Тим переписывал его несколько раз и потому запомнил слово в слово:

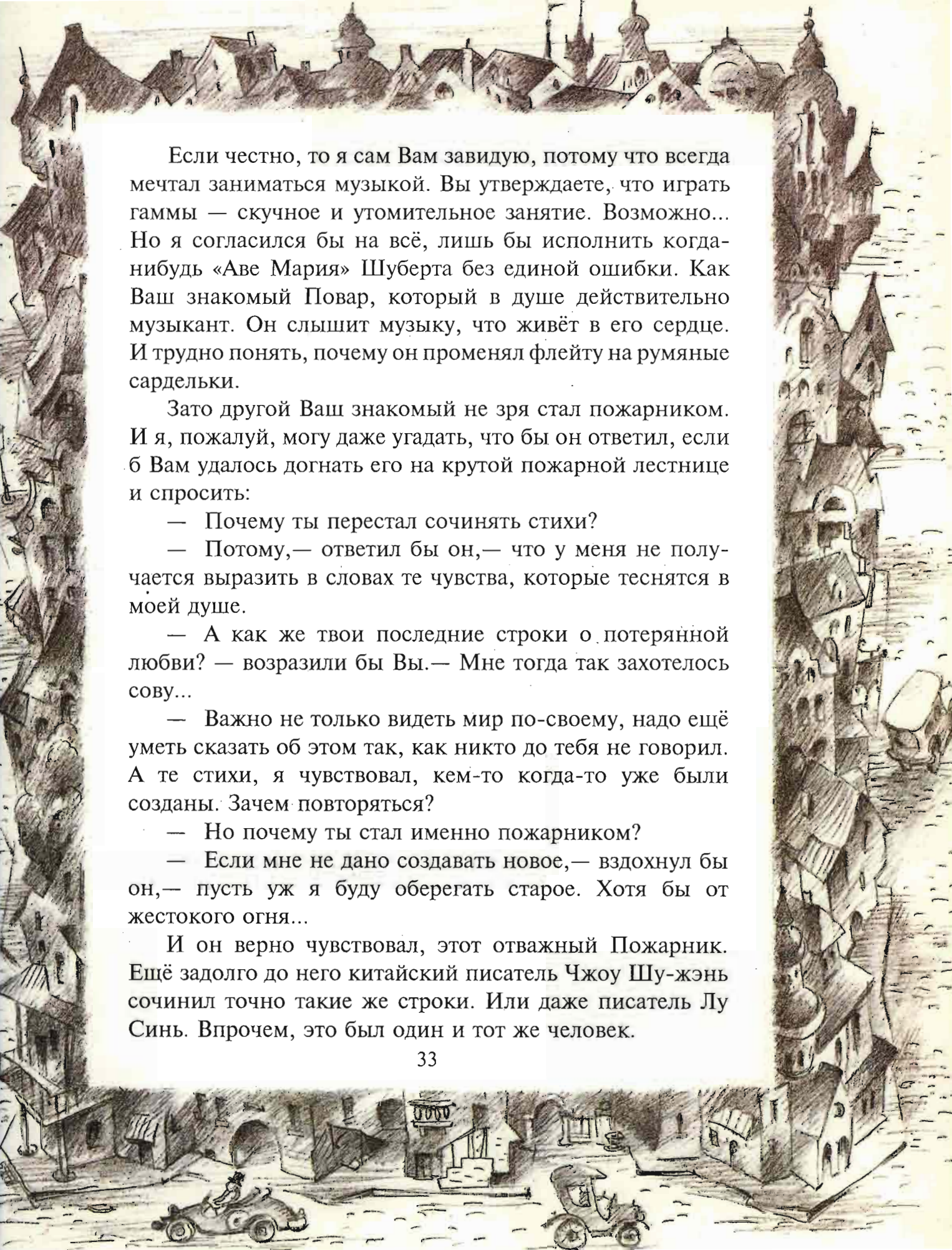
Здравствуйте, Ника!

Я был приятно удивлён, получив Ваше послание. И мне тоже захотелось познакомиться с Вами поближе. Я живу далеко-далеко от Вас, и тут, конечно, всё совсем не так, как в Шотландии или в Норвегии.

Но несмотря на столь глубокие различия в наших жизнях, мы весьма похожи друг на друга. Мне почему-то даже показалось, будто мы — один и тот же человек. Или человеки... В общем, люди.

А вот завидуете Вы мне напрасно. Не так уж это приятно — каждое утро тащиться в библиотеку, рыться на пыльных полках, пытаться найти отсутствующую книгу. Но читатели благодарны мне. Когда же выпадает снег и читатели не могут пробраться к дверям библиотеки, мне приходится брать лопату и расчищать снежные заносы. Как дворнику. За это читатели благодарны мне вдвойне.

Если честно, то я сам Вам завидую, потому что всегда мечтал заниматься музыкой. Вы утверждаете, что играть гаммы — скучное и утомительное занятие. Возможно... Но я согласился бы на всё, лишь бы исполнить когда-нибудь «Аве Мария» Шуберта без единой ошибки. Как Ваш знакомый Повар, который в душе действительно музыкант. Он слышит музыку, что живёт в его сердце. И трудно понять, почему он променял флейту на румяные сардельки.

Зато другой Ваш знакомый не зря стал пожарником. И я, пожалуй, могу даже угадать, что бы он ответил, если б Вам удалось догнать его на крутой пожарной лестнице и спросить:

— Почему ты перестал сочинять стихи?

— Потому,— ответил бы он,— что у меня не получается выразить в словах те чувства, которые теснятся в моей душе.

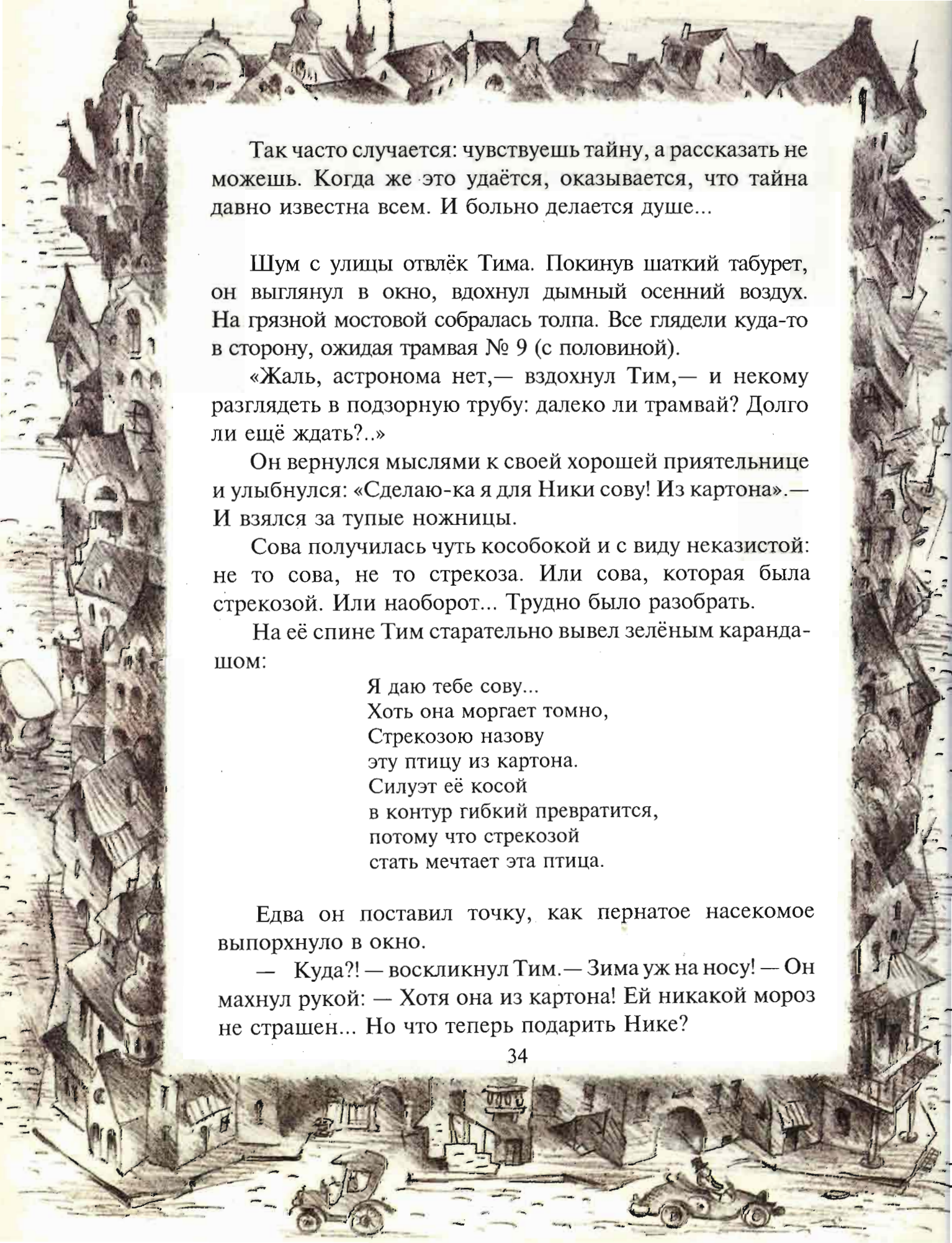
— А как же твои последние строки о потерянной любви? — возразили бы Вы.— Мне тогда так захотелось сову...

— Важно не только видеть мир по-своему, надо ещё уметь сказать об этом так, как никто до тебя не говорил. А те стихи, я чувствовал, кем-то когда-то уже были созданы. Зачем повторяться?

— Но почему ты стал именно пожарником?

— Если мне не дано создавать новое,— вздохнул бы он,— пусть уж я буду оберегать старое. Хотя бы от жестокого огня...

И он верно чувствовал, этот отважный Пожарник. Ещё задолго до него китайский писатель Чжоу Шу-жэнь сочинил точно такие же строки. Или даже писатель Лу Синь. Впрочем, это был один и тот же человек.

Так часто случается: чувствуешь тайну, а рассказать не можешь. Когда же это удаётся, оказывается, что тайна давно известна всем. И больно делается душе...

Шум с улицы отвлек Тима. Покинув шаткий табурет, он выглянул в окно, вдохнул дымный осенний воздух. На грязной мостовой собралась толпа. Все глядели куда-то в сторону, ожидая трамвая № 9 (с половиной).

«Жаль, астронома нет,— вздохнул Тим,— и некому разглядеть в подзорную трубу: далеко ли трамвай? Долго ли ещё ждать?..»

Он вернулся мыслями к своей хорошей приятельнице и улыбнулся: «Сделаю-ка я для Ники сову! Из картона». — И взялся за тупые ножницы.

Сова получилась чуть кособокой и с виду неказистой: не то сова, не то стрекоза. Или сова, которая была стрекозой. Или наоборот... Трудно было разобрать.

На её спине Тим старательно вывел зелёным карандашом:

Я даю тебе сову...
Хоть она моргает томно,
Стрекозою назову
эту птицу из картона.
Силуэт её косою
в контур гибкий превратится,
потому что стрекозой
стать мечтает эта птица.

Едва он поставил точку, как пернатое насекомое выпорхнуло в окно.

— Куда?! — воскликнул Тим. — Зима уж на носу! — Он махнул рукой: — Хотя она из картона! Ей никакой мороз не страшен... Но что теперь подарить Нике?

Он ясно представил, как поедет к ней в гости. Вот прямо сядет в трамвай — и в путь!.. Туда, где не существует границ, где всё так перепуталось, где даже кактусы похожи на фикусы.

— Интересно было бы рассказать потом об этом, — вздохнул Тим. — Но это уже другая история...

МОРОЗ НЕ СТРАШЕН

В одном шотландском городе долгое время не наступала осень.

В других городах Европы она давно уже наступила, кое-где даже снег выпал, а вот в этом, отдельно взятом шотландском городе ну никак не могла наступить. Наступала, наступала — и никак!

Как раз в это сложное время позвонила мне оттуда моя знакомая тётушка Сольвейг.

— Приезжай, — говорит, —

Ника, к нам. У нас хорошо. У нас ещё лето. Стрекозы пучеглазые летают. И вообще...

— Ладно,— согласилась я,— приеду. Если билеты будут.

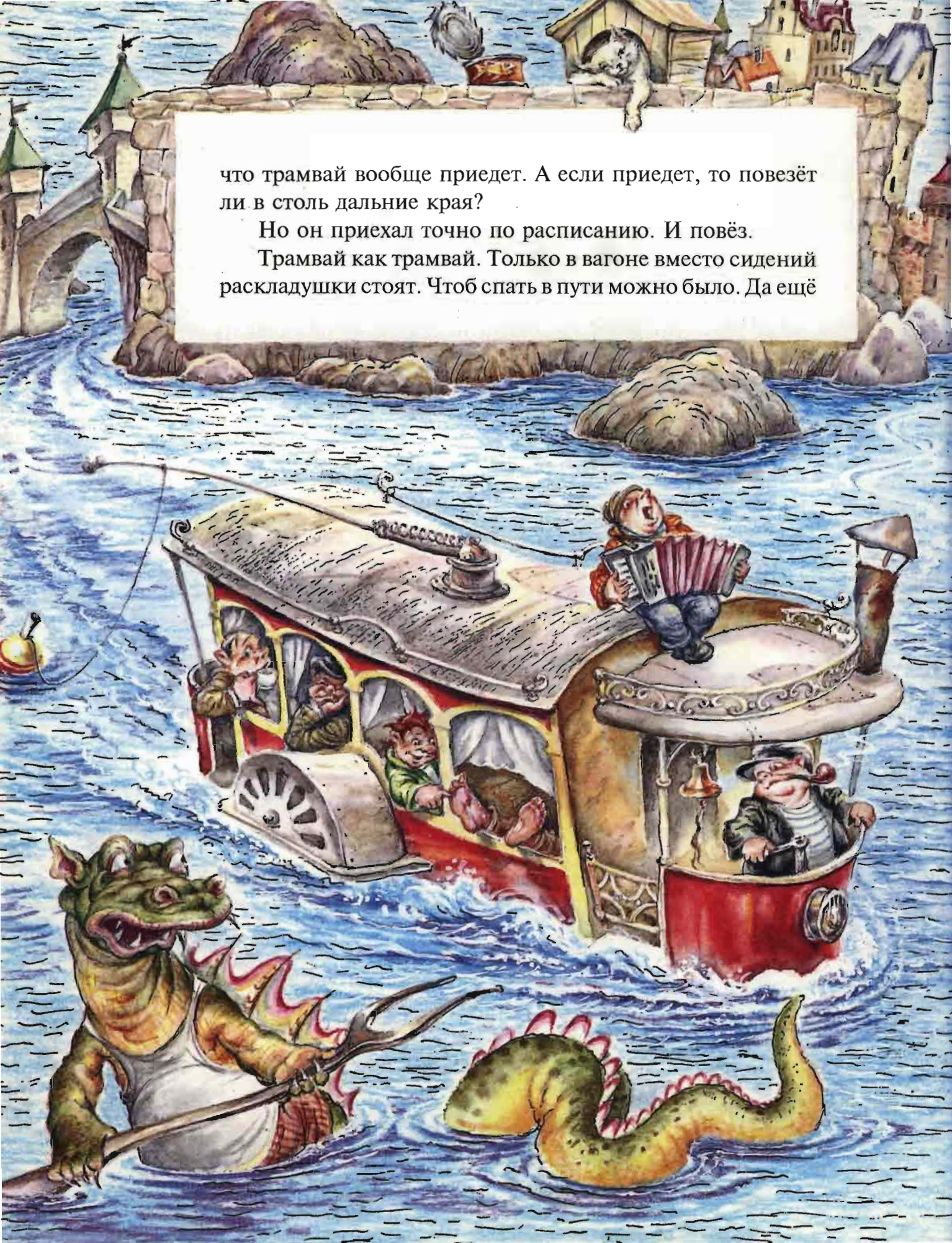
Билетов, как ни странно, оказалось предостаточно.

— Мне же до самого Глазго! — не верила я кассирше.

— А я не глухая,— обиделась кассирша.— Я понимаю, что вам не на Северный полюс. Вот, пожалуйста, хотите самолётом, хотите пароходом, дешевле всего — трамваем.

Я выбрала трамвай. Во вторник вечером пришла на остановку. Нас собралось человек десять, кому нужно было в Шотландию. По важному делу. Никто не верил,

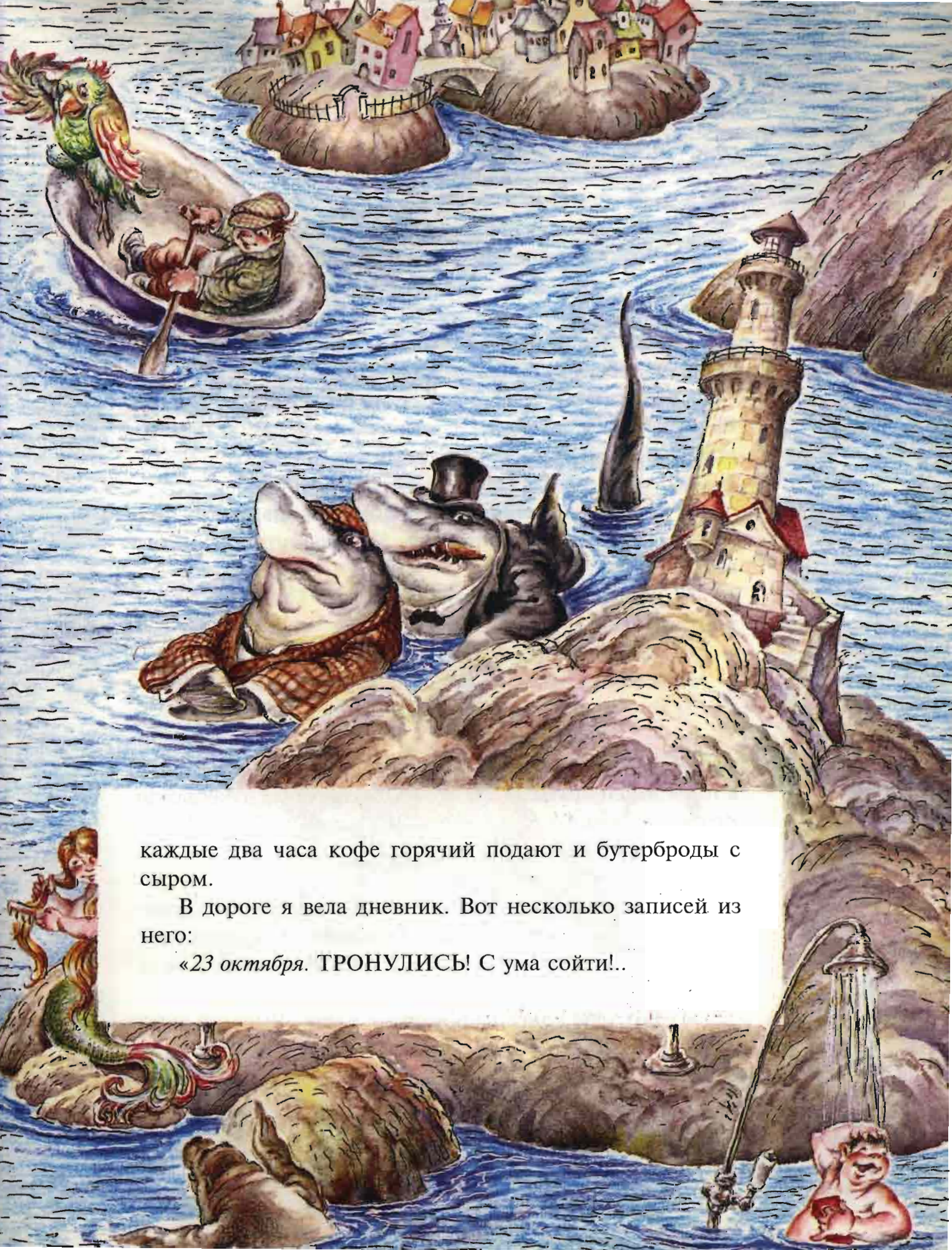

что трамвай вообще приедет. А если приедет, то повезёт ли в столь дальние края?

Но он приехал точно по расписанию. И повёз.

Трамвай как трамвай. Только в вагоне вместо сидений раскладушки стоят. Чтоб спать в пути можно было. Да ещё

каждые два часа кофе горячий подают и бутерброды с сыром.

В дороге я вела дневник. Вот несколько записей из него:

«23 октября. ТРОНУЛИСЬ! С ума сойти!..»

24 октября. Едем.

26 октября. Продолжаем ехать.

31 октября. Продолжаем продолжать ехать...

1 ноября. Миновали Париж — город контрастов.

2 ноября. Выехали к проливу Ла-Манш. После сытного обеда спустились на воду.

3 ноября. Плывём.

5 ноября. Всё ещё плывём. (Кофе стали подавать нерегулярно. И бутерброды чёрствые.)

7 ноября. В полдень из воды показался Морской Змей. Все закричали: «Он сейчас съест нас!» Но Змей поморщился и сказал: «Не люблю трамваи — шибко хрустят...» И скрылся в пучине морской.

11 ноября. До сих пор плывём в окружении зарубежных акул. Электричество кончилось. Начался шторм. Укачивает...

13 ноября. На горизонте показался Глазго — город контрастов.

16 ноября. Горизонт начал потихоньку приближаться.

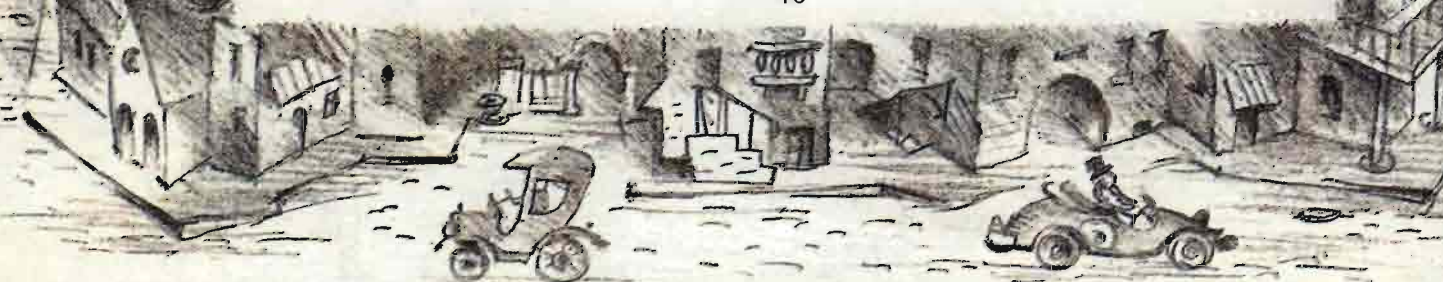
19 ноября. Вошли в бухту. Неужто доплывём?

21 ноября. Доплыли! Доплыли!..»

— Ну наконец-то, — воскликнула тётюшка Сольвейг, — а то уж я волноваться начала! — Она смахнула пучеглазую стрекозу, севшую ей на ухо. — Житья от них нет! В отдельных частях Европы снег лежит давно, а у нас всё стрекозы летают.

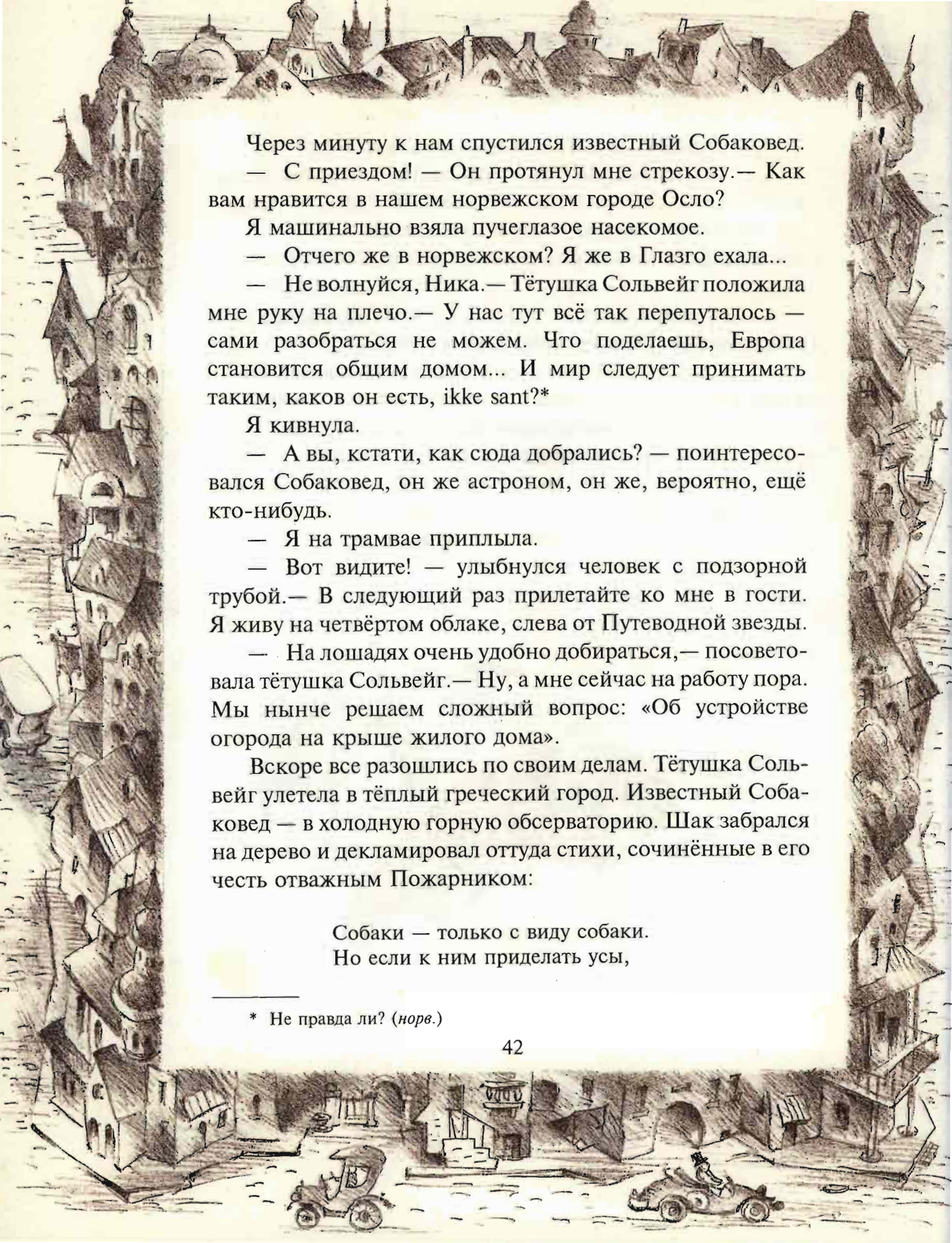
На быстроходной машине «БМВ» мы благополучно добрались до дома тётюшки Сольвейг. У дверей нас встретила большая чёрная собака Шак. Я потрепала её за ухо:

— Вот тебе консервированные кости. Высший сорт!

- Спасибо, я сыт...— вздохнул Шак.
- Он костей не ест,— объяснила тётушка Сольвейг.— Он рыбой питается. Ведь на самом деле это кошка.
- У меня только «Кильки в томате».
- Годится! — обрадовался Шак и вцепился зубами в банку.
- Редкая собака,— заметила я,— то есть кошка. За ней, наверное, особое наблюдение ведётся?
- Известный Собаковед регулярно наблюдает Шака в подозрную трубу! — похвасталась тётушка Сольвейг.
- Тут с крыши послышался недовольный голос:
- Разве можно в таких условиях что-либо наблюдать? Окаянные стрекозы всё небо заполонили. Луну — и то разглядеть нельзя!

Через минуту к нам спустился известный Собаковед.
— С приездом! — Он протянул мне стрекозу. — Как вам нравится в нашем норвежском городе Осло?

Я машинально взяла пучеглазое насекомое.

— Отчего же в норвежском? Я же в Глазго ехала...

— Не волнуйся, Ника. — Тётушка Сольвейг положила мне руку на плечо. — У нас тут всё так перепуталось — сами разобраться не можем. Что поделаешь, Европа становится общим домом... И мир следует принимать таким, каков он есть, *ikke sant*?*

Я кивнула.

— А вы, кстати, как сюда добрались? — поинтересовался Собаковед, он же астроном, он же, вероятно, ещё кто-нибудь.

— Я на трамвае приплыла.

— Вот видите! — улыбнулся человек с подозрительной трубой. — В следующий раз прилетайте ко мне в гости. Я живу на четвёртом облаке, слева от Путеводной звезды.

— На лошадях очень удобно добираться, — посоветовала тётушка Сольвейг. — Ну, а мне сейчас на работу пора. Мы нынче решаем сложный вопрос: «Об устройстве огорода на крыше жилого дома».

Вскоре все разошлись по своим делам. Тётушка Сольвейг улетела в тёплый греческий город. Известный Собаковед — в холодную горную обсерваторию. Шак забрался на дерево и декламировал оттуда стихи, сочинённые в его честь отважным Пожарником:

Собаки — только с виду собаки.
Но если к ним приделать усы,

* Не правда ли? (норв.)

Они очень запросто кошками станут,
Такими ласковыми, эхма!..

А я сидела на траве и думала: «Ничего уже нельзя
понять в этом мире... Где зима, где лето?... где земля, где
небо?.. И люди часто кажутся совсем не теми, кто они
есть на самом деле... А может, так и вправду жить ве-
селее? Когда не знаешь, что ждёт тебя в следующий
момент...»

Мои размышления прервал Почтальон. Он принёс весточку с родины. Я прочитала:

«Уважаемый Тим Собакин! Срочно возвращайтесь. Библиотеку занесло снегом. Лопата ждёт Вас!

Коллектив благодарных читателей».

— Извините,— сказала я Почтальону,— но вы обратились не по адресу. Я — Ника Босмит, детская писательница. А это письмо какому-то дворнику Тиму Соба...

— Позвольте ваш паспорт.— Почтальон полистал страницы.— Ошибки нет. Просто надо имя-фамилию читать задом наперёд. Тогда вместо «Ника Босмит» аккуратно получается...

— Вы правы,— согласилась, вернее уже, согласился я.— Это, видимо, я чего-то напутал.

— Может, вам сплясать напоследок? — предложил Почтальон.— У меня весьма недурно гопак получается.

— Спасибо. Как-нибудь в другой раз. Меня лопата ждёт.

И я поспешил в порт, чтобы успеть на вечернюю лошадь Осло — Вашингтон — Токио — Москва. Возле кареты обнаружился мой чемоданчик, забытый при встрече с тётушкой Сольвейг.

— Который уж день хозяина дожидается,— сказал Полицейский.— Отчего его бросили? Может, там золото с бриллиантами?

— Там «Кильки в томате». Девять с половиной банок.

— Тоже вещь! — одобрил подъехавший на велосипеде Повар. Он сыграл на флейте прощальный марш по случаю отплытия нашего экипажа.

Глубокой ночью в бурлящем море ямщик бестолково дёргал поводья и растерянно бормотал под нос:

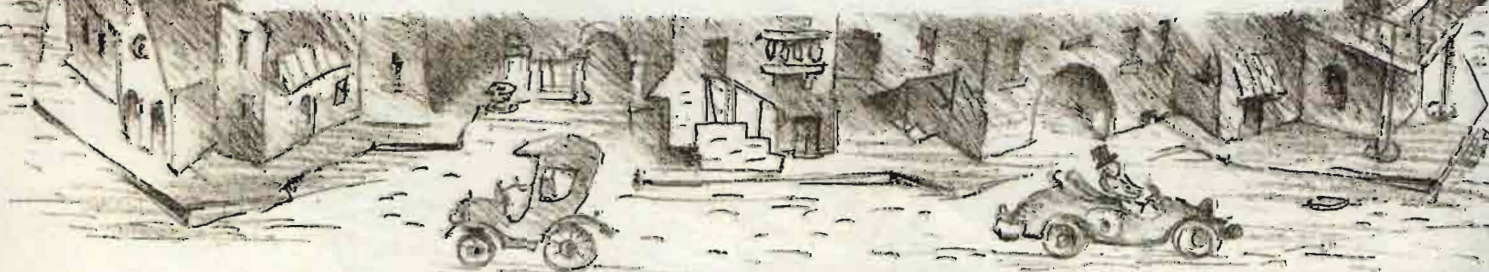

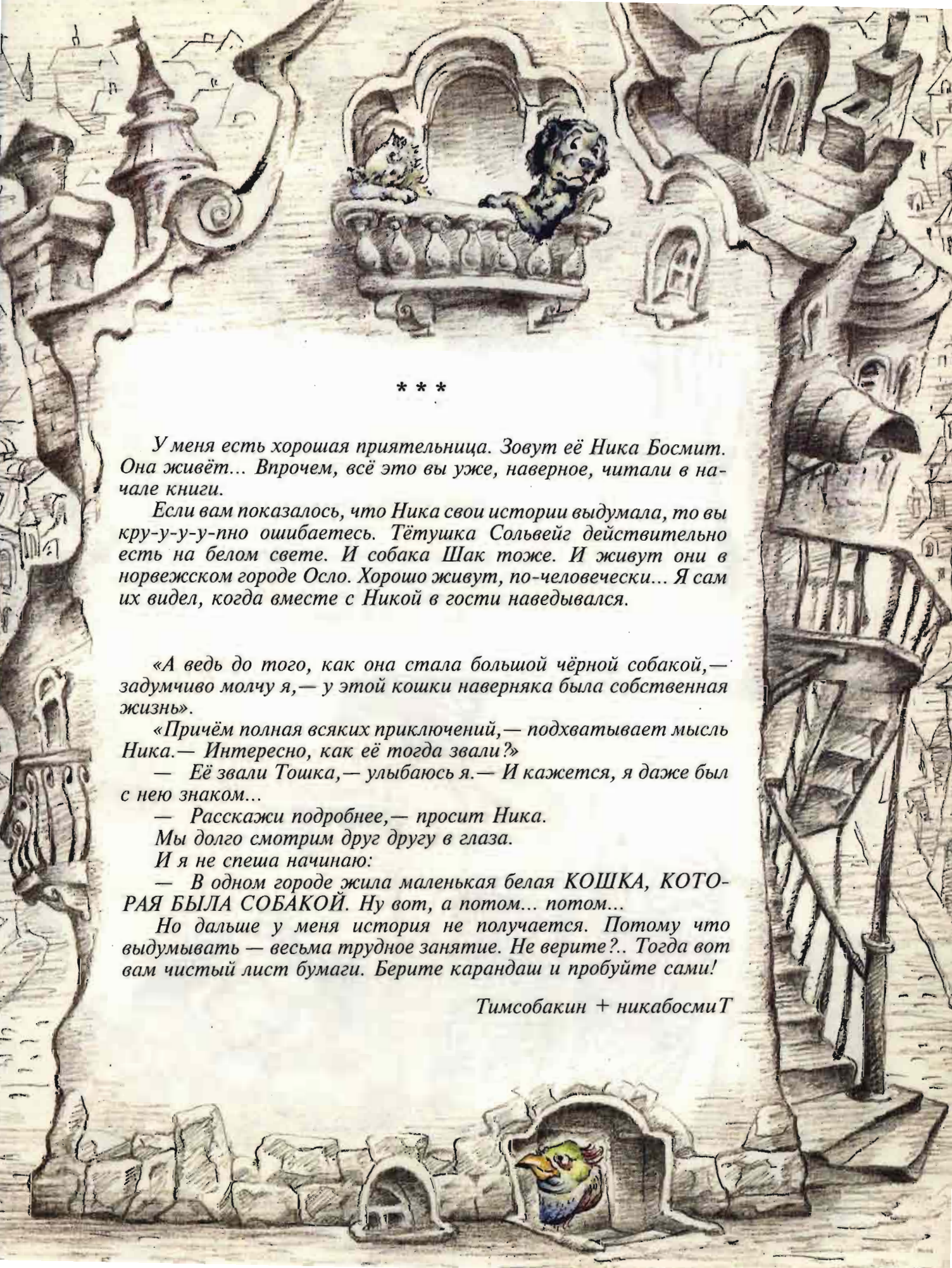
— Не вижу Путеводной звезды, барин... Куды же править? Куды ж плыть?..

Тогда я чиркнул спичкой и швырнул её в чёрное небо. В небе зажглась Путеводная звезда.

— Ну вот и славно! — облегчённо вздохнул ямщик. — Теперь никакой мороз не страшен...

Мыплылитуда,гдегореламояспичка.Гденерастут
кактусы.Гдебиблиотекизанесеныснегом.
Авокругбушеваливолны.
Истрекозынелеталинаднами.
Иморскиезмеиобходилинасстороной.

* * *

У меня есть хорошая приятельница. Зовут её Ника Босмит. Она живёт... Впрочем, всё это вы уже, наверное, читали в начале книги.

Если вам показалось, что Ника свои истории выдумала, то вы кру-у-у-пно ошибаетесь. Тётушка Сольвейг действительно есть на белом свете. И собака Шак тоже. И живут они в норвежском городе Осло. Хорошо живут, по-человечески... Я сам их видел, когда вместе с Никой в гости наведывался.

«А ведь до того, как она стала большой чёрной собакой, — задумчиво молчу я, — у этой кошки наверняка была собственная жизнь».

«Причём полная всяких приключений, — подхватывает мысль Ника. — Интересно, как её тогда звали?»

— Её звали Тошка, — улыбаюсь я. — И кажется, я даже был с нею знаком...

— Расскажи подробнее, — просит Ника.

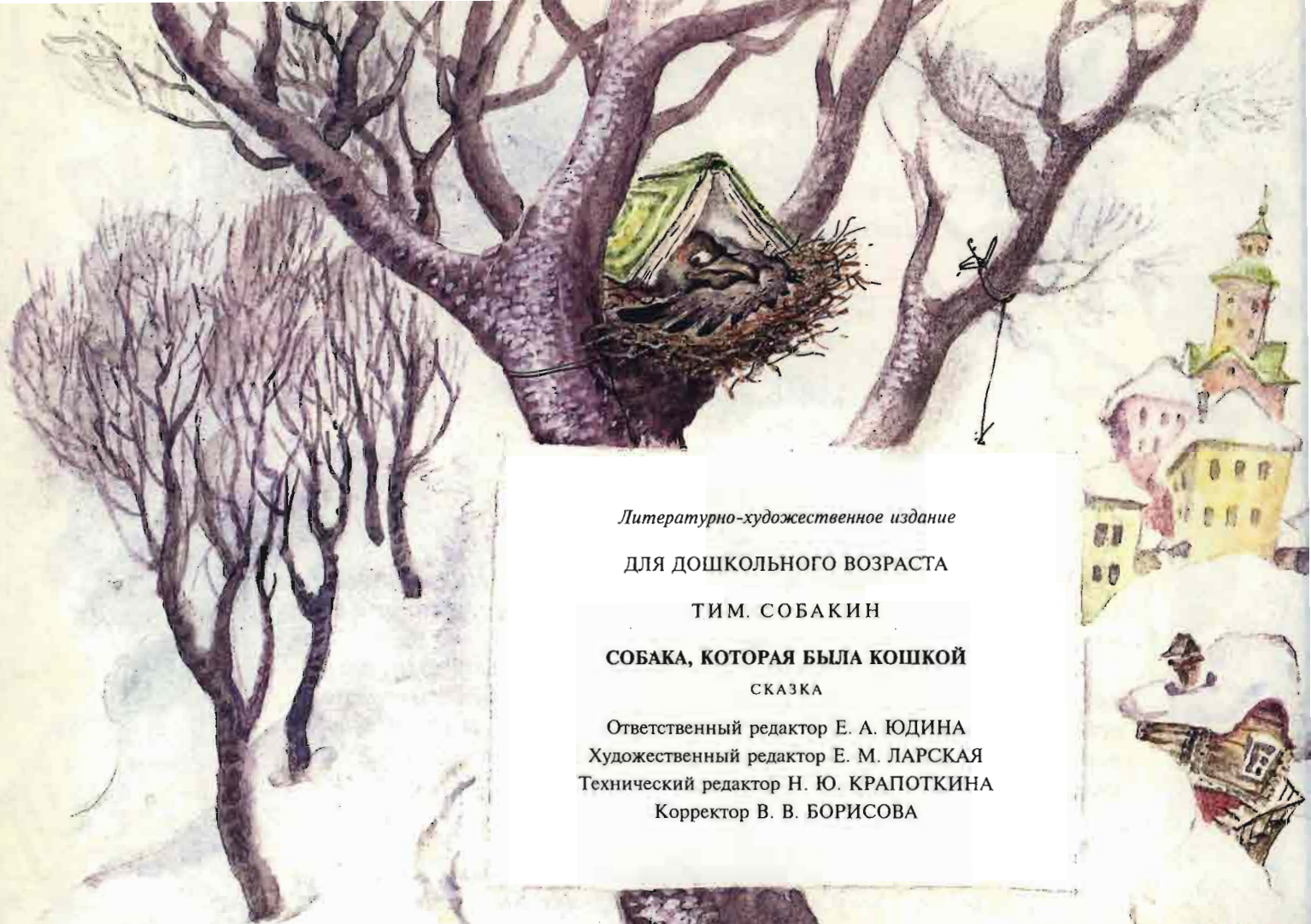
Мы долго смотрим друг другу в глаза.

И я не спеша начинаю:

— В одном городе жила маленькая белая КОШКА, КОТОРАЯ БЫЛА СОБАКОЙ. Ну вот, а потом... потом...

Но дальше у меня история не получается. Потому что выдумывать — весьма трудное занятие. Не верите?.. Тогда вот вам чистый лист бумаги. Берите карандаш и попробуйте сами!

Тимсобакин + никабосмит

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ТИМ. СОБАКИН

СОБАКА, КОТОРАЯ БЫЛА КОШКОЙ

СКАЗКА

Ответственный редактор Е. А. ЮДИНА
Художественный редактор Е. М. ЛАРСКАЯ
Технический редактор Н. Ю. КРАПОТКИНА
Корректор В. В. БОРИСОВА

ИБ № 13734
ЛР № 01003 от 28.08.91

Сдано в набор 20.06.94. Подписано к печати 31.01.95.
Формат 60x90¹/₈. Бум. офс. № 1. Шрифт таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отг. 30,0. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 2336. С 007.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Роскомпечати.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Орден Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

